

КРЕСТЬЯНКА

№ 12
ДЕКАБРЬ
1956

Ясный месяц

Музыка А. НОВИКОВА.

Слова Д. ТЕРЕЩЕНКО.

Ясный месяц на реке высветил дорожку.
Милый где-то вдалеке. Скучно у окошка.
Я ждала его, ждала чуть не до рассвета,
Приготовила слова, а его все нету!

Может, с кем-то в час ночной звездочки считает,
Он ведь парень озорной, кто его не знает.
В небе звездочка горит, светит, как обычно.
Не роса в траве блестит, а слеза девичья.

Ясный месяц над рекой спрятался за тучей.
Потеряла я покой от обиды жгучей.
Я ждала его, ждала чуть не до рассвета,
Приготовила слова, а его все нету!

Темп умеренный. Точно выстроить аккорды. Напевая Выразительно

pp

1. Яс-ный ме-сяц на ре-ке вы-све-тил до-
рож- ку. Ми-лый где-то в да-ле-
ке. Ску-чно у о-кош- ка.
Я жда-ла е-го, жда-ла чуть не до рас-
све- та, при-го-то-ви- ла сло-ва,
а е-го все не- ту! *Конец*

Вариант 3-го куплета

(3. зв.) Яс-ный ме-сяц над ре- кой спря-тал-ся за
тучей. По-те-ря-ла я по-
кой от о-би-ды жгу- чей *и далее по 1-му куплету*

КРЕСТЬЯНКА

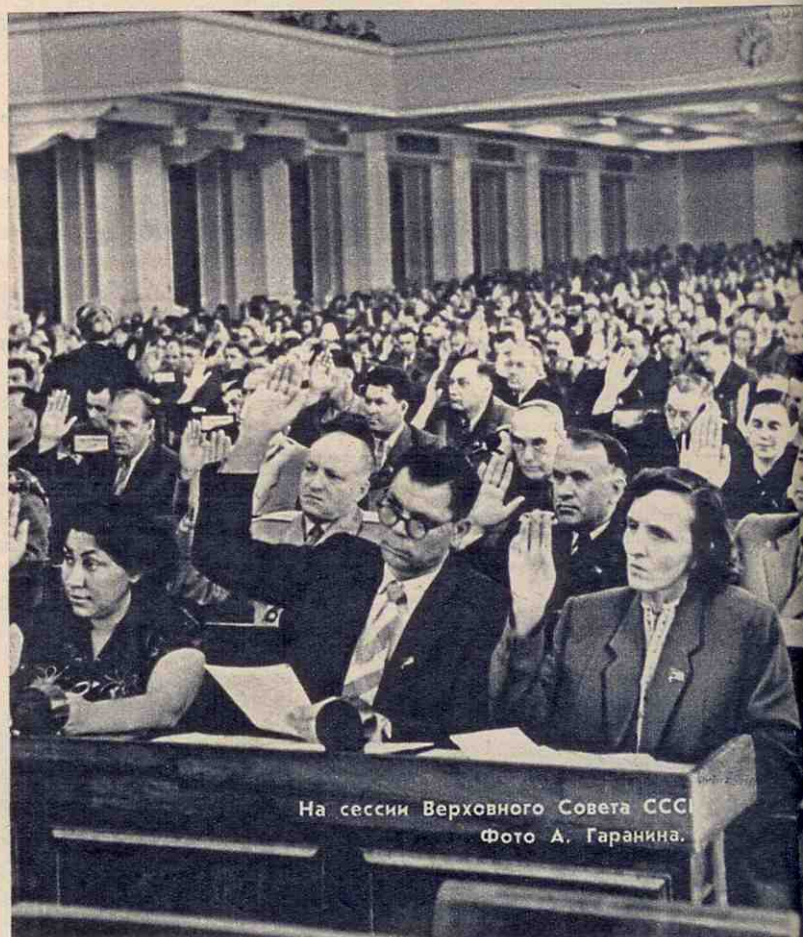
Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 12
ДЕКАБРЬ
1956

35-й ГОД ИЗДАНИЯ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДВАДЦАТИЛЕТНИЕ КОНСТИТУЦИИ

На сессии Верховного Совета СССР
Фото А. Гаранина.

Ныне действующая Конституция (Основной Закон) Советского государства после всенародного обсуждения была утверждена 5 декабря 1936 года Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов. К этому времени в СССР были ликвидированы эксплуататорские классы, во всех областях народного хозяйства победила социалистическая собственность на средства производства.

Конституция законодательно закрепила эти величайшие достижения советского народа. В ней записано, что СССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян и вся власть в стране принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся. Состав Верховного Совета СССР наглядно подтверждает народный характер Советской власти. В настоящее время в нем 1347 депутатов — посланцы всех слоев населения и всех народов советского многонационального государства.

Победа социализма в СССР, уничтожение эксплуататорских классов, превращение страны в мощную индустриально-колхозную державу дали возмож-

НЕОБЪЯТНЫ просторы нашей Родины. Во всех ее концах, от края до края, труд советских людей преобразует природу, создает неисчислимые богатства — и все это для счастливой жизни простых людей, охраняемой Советской Конституцией.

ность советским людям записать в своей Конституции великие права человека, о которых мечтали на протяжении веков лучшие представители человечества.

В Конституции сказано, что в СССР каждый имеет право на труд, право на отдых, право на образование, право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Эти права обеспечены непрерывным ростом народного хозяйства страны. СССР не знает безработицы на протяжении более 25 лет. Развитие производства позволило только в течение 1951—1955 годов увеличить национальный доход на 68 процентов, реальную заработную плату рабочих и служащих — на 39 процентов, а доходы колхозников — на 50 процентов.

К моменту утверждения Конституции в нашей стране существовало всеобщее обязательное начальное образование. В настоящее время уже введено всеобщее обязательное семилетнее образование и вводится всеобщее обязательное среднее образование. Обучение как в средней, так и в высшей школе является бесплатным. Из 200 миллионов населения СССР охвачено различными видами учебы 50 миллионов человек, то есть каждый четвертый человек учится.

Право советского человека на материальное обеспечение в старости или в случае болезни и потери трудоспособности получило яркое выражение в Законе о пенсиях, который был утвержден в июле этого года V сессией Верховного Совета СССР.

Сейчас во многих колхозах выделяется значительно больше средств для оказания помощи пре-

старелым и нетрудоспособным колхозникам. В ряде колхозов имеются свои дома отдыха, члены сельскохозяйственной артели пользуются оплачиваемым отпуском.

Конституция СССР утверждает за женщиной равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Советские женщины составляют многомиллионную армию трудящихся. На промышленных предприятиях, в совхозах и колхозах женщины трудятся так же, как и мужчины. Имена многих женщин с любовью произносит советский народ, законно гордясь своими славными дочерьми.

Нередко женщинам приходится преодолевать большие трудности, чтобы быть в первых рядах советских тружеников. Семья, дети, связанные с ними заботы становятся подчас труднопреодолимой преградой. Коммунистическая партия и Советское правительство многое делают для облегчения труда женщин. Организуются ясли, детские сады, общественные прачечные, столовые и т. д. Но есть и сейчас еще некоторые советские и партийные работники, которые недооценивают роль женщины в народном хозяйстве. Партийные и советские организации должны бороться с такими отсталыми представлениями о женщине.

Советская Конституция стоит на страже прав трудящихся женщин.

При царизме женщины использовались главным образом на самых черновых, низкооплачиваемых работах, образование для большинства из них было недоступно. На 1-й Всемирной конференции трудящихся женщин Н. В. Попова привела интересные цифры о положении женщин в Стране Советов. В СССР около одной трети инженеров и техников — женщины. Женщины составляют 76 процентов врачей, 70 процентов учителей, 40 процентов специалистов сельского хозяйства и т. д. Недаром Международный семинар, который недавно проходил в СССР, был посвящен изучению положения женщин в нашей стране.

Союз Советских Социалистических Республик — многонациональное государство. Конституция устанавливает равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы. В ней записано, что «всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом».

В СССР входят 15 союзных республик. Ленинская национальная политика, основанная на равноправии и дружеском сотрудничестве народов, привела к расцвету экономики и культуры всех народов Советского государства. В 1955 году по сравнению с 1913 годом валовая продукция Казахской ССР увеличилась в 33 раза, Грузинской ССР — в 27 раз, Киргизской ССР — в 37 раз, Армянской ССР — в 41 раз, Таджикской ССР — в 24 раза и т. д. Республики самостоятельно решают проблемы развития своего республиканского хозяйства. В настоящее время в непосредственное ведение республикан-

Еще одно учебное заведение получила молодежь: в столице Таджикской республики — Сталинабаде — открылся политехнический институт.

Фото Б. Зайцева (ТАСС).

ских органов передано большое число крупных промышленных предприятий различных отраслей народного хозяйства.

Социалистическая культура народов СССР развивается в национальных формах, близких и дорогих каждому народу. Руководство народным образованием, работой культурных учреждений сосредоточено в республиках. Это способствует их культурному расцвету, вовлечению в культурное строительство миллионов тружеников различных национальностей. В республиках выросли национальные кадры ученых, деятелей искусства, врачей, учителей, инженеров и т. д.

Конституция охраняет права граждан СССР. Социалистическая законность стоит на страже интересов государства и его отдельных граждан. Но на протяжении ряда лет в результате действий враждебной банды Берия социалистическая законность нарушалась. Этому немало способствовало также распространение культа личности.

Социалистическая законность за последние годы восстановлена в своих правах. Статьи Конституции, которые утверждают, что гражданам СССР обещивается неприкосновенность личности, что никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора, что неприкосновенность жилища граждан и переписки охраняется законом, служат советским труженикам надежной гарантией спокойного труда на благо своей Родины.

Но Конституция не только дает широкие права советскому человеку, она накладывает на него и серьезные обязанности. Советский человек должен соблюдать Конституцию СССР, советские законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития. Конституция обязывает каждого гражданина СССР беречь и укреплять общественную социалистическую собственность.

Социалистическая собственность — источник богатств Советской страны, а следовательно, и каждого ее гражданина.

Конституция утверждает в статье 12-й, что труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина. Труд советских людей множит богатства нашей Родины. И ясно, почему наш народ так нетерпимо относится к лодырям, бездельникам, всем тем, кто работает с холодком.

Советский народ миролюбив, он стремится к миру. Советские люди кровно заинтересованы в том, чтобы их труду не угрожала никакая опасность.

Все для детей — таков закон советского общества. Пионерскому лагерю «Артек» отведен чудеснейший уголок в Крыму. На снимке: пионеры на экскурсии.

Фото М. Альперта (ТАСС).

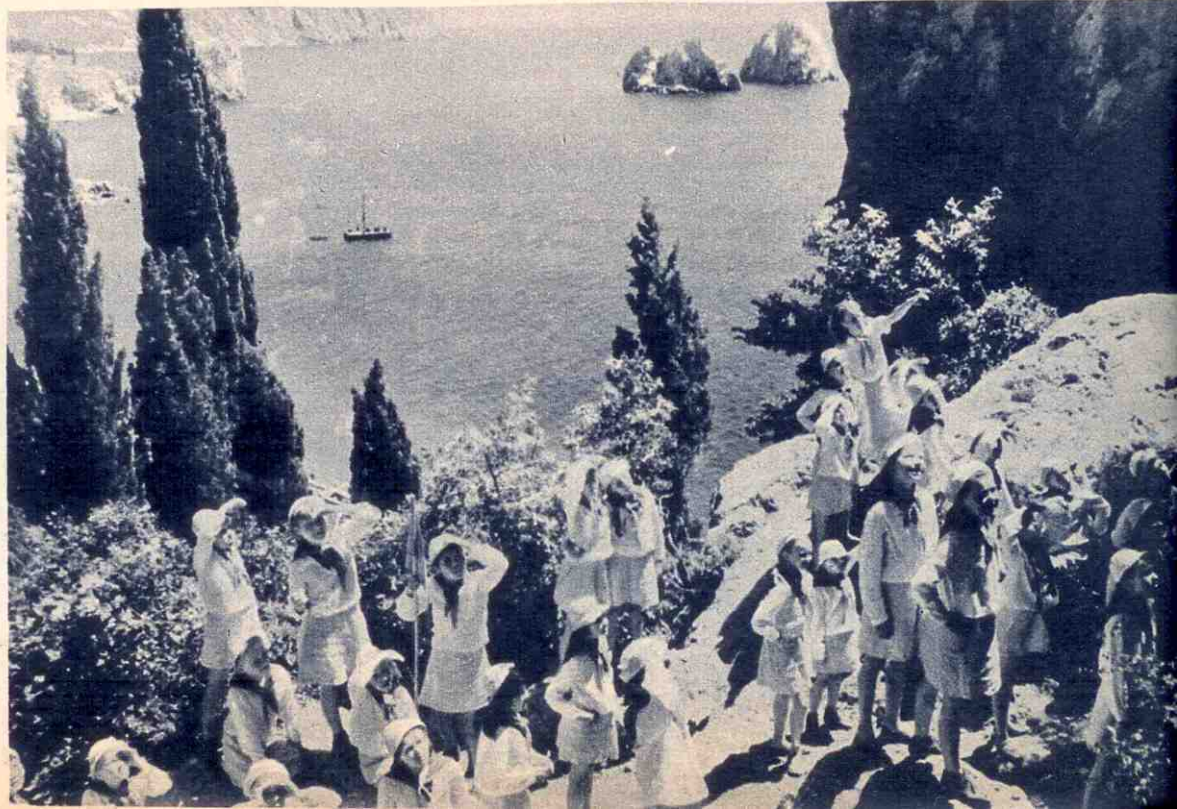
Тесными узлами дружбы связаны труженики сельского хозяйства Украинской ССР и Российской Федерации. На снимке: делегация колхозников Московской области на полях колхоза имени Кирова.

Фото Н. Селюченко (ТАСС).

Именно поэтому Конституция СССР возлагает на советских граждан почетную обязанность защиты социалистического Отечества. Великая Отечественная война против фашистских захватчиков показала, какие неиссякаемые силы таятся в советском государственном и общественном строе, она покрыла неуываемой славой советских людей, которые отстаивали свою свободу и протянули руку братской помощи народам, поработанным фашизмом.

Внешняя политика СССР направлена на укрепление и расширение экономических и культурных связей со всеми странами. В СССР за последние годы значительно сокращены вооруженные силы. Предложения Советского правительства о запрещении атомного и водородного оружия поддерживаются прогрессивными людьми всего мира.

Советский Союз стоит во главе лагеря мира, окруженный дружественными народно-демократическими странами, которые успешно строят социализм. К лагерю мира и социализма присоединяют свой голос прогрессивные люди всех стран, борющиеся за мир. Конституция страны победившего социализма в этой борьбе за мир является могучим оружием, завоевывает сердца простых людей.

ВЫСОКОЕ ПРАВО

Владимир КРИВЕНЧЕНКО

Фото В. Жемчужникова.

ДВЕРЬ с грохотом захлопнулась, и человек, качнувшись на пороге, направился к выходу тем нарочито твердым шагом, каким ходят только очень пьяные или разобитые вконец люди. На лице у него была усмешка — недобрая, презрительная. С этой усмешкой посмотрел он на теснящихся в коридоре конторы колхозниц, с этой усмешкой вышел на крыльцо.

«Пробросаетесь, — хотелось сказать человеку. — Таких, как Пименов, на дороге не сыщете. Не гоже вам, иное место найдут!»

Перед Пименовым лежало большое сибирское село, щедро залитое лунным светом. Широкие прямые улицы с упрятанными за аккуратные резные палисадники новыми домами уходили к черным плосковерхим горам над Енисеем. Ночной ветер доносил переливы гармоник, причудливо перемеживал слова песен, соединяя в одно целое русские, украинские, белорусские, хакасские, мордовские, чувашские напевы. Колхозной молодежи, видимо, не было дела до пименовских переживаний. Но Пименов не мог сейчас слушать веселые песни, спокойно смотреть на это растущее, строящееся во всех концах село. Все с той же недоброй усмешкой он шептал:

— Прочитаетесь, товарищ полковник! Замах у вас сильный: два миллиончика в стройку вогнали, а как развернете да ударите — и пальцев не соберете... Лучшую же силу потеряли.

Пименов загнул один палец, долженствовавший, очевидно, обозначать его самого, затем, подумав, прибавил к нему второй.

«И Спиридонова не приняли, — вспомнилось ему. — А какой специалист! Агроном с высшим образованием...»

И прежним твердым, гулким шагом Пименов сошел с крыльца колхозной конторы, направился в дальний конец села...

Испытательный срок перед приемом в члены колхоза многим показался рискованным новшеством. Даже бесшумный заместитель председателя колхоза Терентий Андреевич Агафонов поначалу с сомнением покачал головой:

— Не преждевременно ли, Михаил Павлович? Оно, конечно, народ к нам тянется, да только и нужно его нам еще ой-ой!..

— Да ты вспомни лучше, чем раньше наш Райков был, — ответил ему председатель. — Тебе это всего удобней...

Агафонову действительно было удобней, чем председателю, сравнить нынешний Райков с прежним. Председатель колхоза Михаил Павлович Кошубо, полковник запаса, переселился в Райков

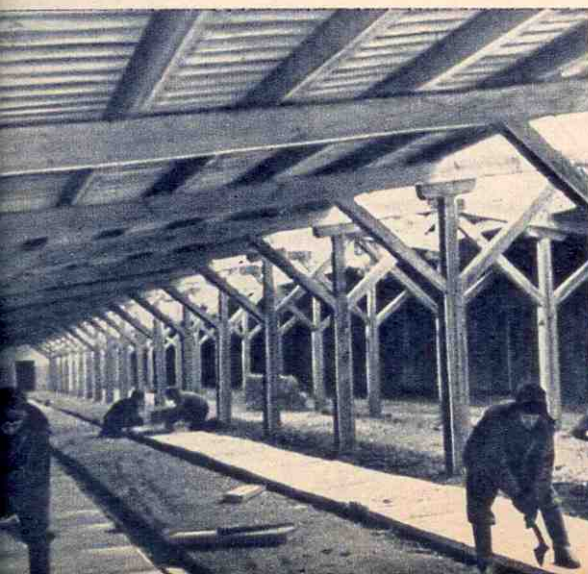
из Абакана только в 1953 году, а Агафонов жил там долго до войны и хорошо помнил, что во всем селе было тогда что-то около трех десятков дворов, а пахотные земли колхоза исчислялись не тысячами, а сотнями гектаров. Потом, правда, приехали переселенцы с запада. Райковский колхоз объединился с двумя соседними слабыми артелями, но и после этого он не стал зажиточным.

Решающий перелом пришел вместе с освоением целинных земель. Не простое это было дело — сразу увеличить пахотные площади с трех до восьми тысяч гектаров, тем более в Хакасии, в зоне орошаемого земледелия.

Привыкший за войну к разумному риску, председатель в тот год все поставил на карту. Зато добился того, что целину распахали подчистую, и надеялся на то, что в сентябре целинный урожай будет лучшим агитатором.

И осень оправдала заветнейшие его надежды. Целинный урожай хлынул в 1954 году в колхозные амбары, хлынул таким могучим потоком, что у людей осталось лишь одно опасение: сумеют ли перевезти его с полей вовремя. Доходы колхоза имени Кагановича сразу учетверились. А на следующий год на восьмистах гектарах посеяли кукурузу, и впервые за все существование Райкова скот круглый год был обеспечен сочным, питательным силосом...

И тогда в Райков потянулись отовсюду сотни людей, желающих вступить в члены колхоза. Не было теперь ни одного заседания правления, на котором не рассматривались бы заявления новичков. В 1954 году в колхоз вступило пятьдесят семей, в 1955 году — сто сорок, и впервые за долгие годы райковцы собственными силами управились на посевной и на поливе. К лету 1956 года колхоз имени Кагановича насчитывал уже свыше семисот трудоспособных. Теперь правление рассчитывало, что оно сможет выделить пятьдесят человек в постоянную строительную бригаду.

Осенью у строителей горячая пора. Новый свинарник и коровник надо построить до зимы.

↑ В часы отдыха Оксана и Николай Макаревичи любят послушать новые пластинки.

← Не так просто выбрать фасон нового костюма. В этом нелегком деле агроному Д. С. Никулину помогает закройщица ателье К. С. Кошубо.

— Ты не забывай, какой народ к нам пришел,— говорил своему заместителю Кошубо.— Не напрасно новая наша улица Минской называется. Правда, не одни минчане там живут, есть и орловцы, и украинцы, и выходцы с местных, хакасских рудников. Но народ они все городской, к сельской жизни непривычный. Значит, и условия мы должны им создать соответствующие, добротные дома выстроить в две—три комнаты, бытовые предприятия нынче же открыть, без которых дико им на новом месте покажется: ателье для пошива одежды, сапожную мастерскую, парикмахерскую, баню... И на приусадебные участки не вредно по-иному взглянуть. У меня мысль есть, чтобы наши горожане садики развели. А овощеводство мы общественное расширим на поливных землях и будем продавать колхозникам капусту, помидоры, лук, морковь, огурцы копеек по пятнадцать за килограмм. И цена обременительной не покажется, и охоты у людей не появится на грядках около дома копаться, к индивидуальному быту привыкать. Но все это будет возможно лишь в том случае, если в члены артели мы примем будем только людей надежных, решивших осесть на сибирской земле накрепко. А ненадежным—трехмесячный испытательный срок и от ворот поворот...

Далек путь от полесского города Овруча до приенисейского улуса Райков. Оксана Макаревич долго не понимала, что означает слово «улус», и, всматриваясь в пробегавшие за вагонным окном березовые перелески западносибирской степи, снова и снова спрашивала мужа: — Ну, скажи ж, Микола, який той улус? Чумы там, блюдца с жиром? Ин, може, як хутор у нас?..

Николай Макаревич снисходительно усмехнулся и с видом бывалого сибиряка пояснил:

— Ну, название от старых времен осталось—и все. А так село, как село. Получше наших, полесских...

Степь сменилась низкорослыми осинниками на барабинских болотах, потом перешла в тайгу. Тайга чередовалась с высокими кирпичными зданиями, дымными трубами больших промышленных городов.

Но вот и промышленные города остались позади. Поезд повернул на юг, в горы.

Ближе к Абакану горы начали снижаться, а когда остался позади этот пропыленный, не очень уютный хакассий областной центр, взгляду украинских переселенцев открылась плоская степная равнина. Только синеватая кромка гор, замыкающая со всех сторон горизонт, напоминала о том, что это не бескрайняя западносибирская степь, а именно котловина, защищенная от северных и южных ветров.

Несколько раз на пути в Райков машина по добротным новеньким мосткам пробегала через оросительные каналы. Оксана с интересом следила за тем, как тоненькими, частыми струйками расходятся по полям временные оросители. И там, где напоили они землю влагой, хлеба явственно выделяются ростом, густотой стеблей, сочной зеленой окраски.

Николай каналы занимали мало. Он больше прислушивался к тому, как с непрерывным свистящим шипением вылетают из-под колес машины осколки щебенки, и приговаривал задумчиво:

— Разгон нормальный, работать можно. Вот только резины не напасешься...

..И вдруг непонятный, даже оскорбительный для него разговор в колхозной конторе. Невысокий седой человек, председатель колхоза, приветливо улыбается новоселам, но говорит решительно:

— Хорошо вы сделали, что приехали, понравится вам у нас. Завтра же к работе приступайте, жилье себе будете строить... А насчет вступления в колхоз... с этим придется поговорить. Порядок у нас такой—испытываем мы вначале новичка. Быть членом колхоза—это, понимаете, высокое право, его надо заслужить...

— Дня я тут не останусь!—кипятился Николай Макаревич, рассказывая жене о разговоре с председателем колхоза.— Меня испытывать нечего, водитель классный!

Но сочувствия у жены он не встретил. Строго блеснув темными упрямыми глазами, Оксана взяла мужа за локоть:

— Да обожди ты! Остынь!.. Не нам одним так... Прижились же другие люди...

Сама она не отказывалась ни от какой работы. Что может предложить правление городской женщине, к тому же занятой на постройке своего дома?.. Ей даже нравилось, что сегодня ее посылают помогать животноводам, завтра—на полив, послезавтра—прорывать овощи, еще через день—пропалывать кукурузные посевы. Бывая повсюду, она быстрее знакомилась с разносторонним хозяйством колхоза, быстрее заводила дружбу с людьми. И чем тесней становилась эта дружба, тем больше убеждалась Оксана, что поступила правильно, оставшись с мужем в Райкове.

Очень редко доводилось ей встречать здесь настоящих старожилов, давних сельских жителей. Бригадир плотников, которые ставили дом Макаревичам, старик Панибратов оказался рабочим недавно закрытого рудника. А помощник его, Михаил Козлов, сосед Макаревичей, приехал из Минска.

На поливе славился пензенский переселенец Духов-

ников. Каких-нибудь три месяца, как в Хакассию перебрался, а уже успел стать лучшим поливальщиком колхоза. И семью всю себе в помощники приспособил — жену, сына Александра, только что демобилизованного из армии, дочку Раю, невестку Эмму... На молочной ферме Оксана познакомилась с дояркой Натальей Шкитовой. Еще молодая, быстрая и на работу и на язык, Наталья отнеслась к Оксане покровительственно, сразу засыпала ее советами.

— Да не думай ты про тот испытательный срок. Тебе он одна формальность. Я по себе знаю. Как пошла на ферму да показала себя — слова никто против сказать не посмел. Подошло время — все в минуту правление пошло. А жить тут очень даже хорошо можно. Я вот себя помню, как раньше в финагентах ходила. Набегаешься, бывало, накричишься, ноги гудят, в голове шумит, во рту сухо, озеро бы выпила... Нет, ни за что к прежнему не стала бы возвращаться... — Она окинула Оксану приметливым, цепким взглядом и заключила неожиданно: — Складенькая ты. Получишь на трудодни, обязательно в наше ателье заверни. Золотая там закройщица, жена председательская...

Оксана, повеселев, бежала домой, где поджидал ее печник Разинов. Чуващ, тоже недавний переселенец, старик Разинов успевал класть печи во всех колхозных строениях, а вышив после работы четвертинку, любил посмотреть, как обживаются новые соседи. Присядет, бывало, на завалинке, сощурится ласково, тянет тихоньким голоском:

— Правильно ты жизнь понимаешь. К теплу моему что еще в доме требуется? Чистота... Будьешь ее придержишься — хозяйкой хорошей назовут... И дети у тебя, даст бог, шибко пойдут. Один, два, три, четыре...

Оксана слушала разиновские присказки, усмехалась и еще проворней белила стены, мыла полы, окна, дверные косяки.

Николай тем временем возил для строек лес, песок, бутый камень. Но настоящая страда началась для него в уборочную. Макаревич частенько и не ночевали дома, встречались только на току. Николай подъедет на своем самосвале, вылезает из кабины, усталый, почерневший от солнца и пыли, блеснет белыми зубами, мигнет жене веселым, озорным глазом — и опять к комбайнам или на элеватор. А Оксана вернется к веялке и, перелопачивая крупные золотистые зерна целинной пшеницы, думает: «Приживется... теперь приживется...»

Обсуждение на заседании колхозного правления, как и предсказывала Наталья Шкитова, оказалось очень коротким. Кошубо привстал со своего председательского места, подержал в руке придвинутый бухгалтером расчетный лист, не глядя в него, сказал:

— Вношу предложение принять в члены колхоза Николая и Оксану Макаревичей. За три месяца испытательного срока они выработали четыреста трудодней!..

И когда правление дружно проголосовало за предложение председателя, Михаил Павлович вышел из-за стола, протянул Макаревичам руки:

— От души поздравляю новых сибиряков... Думаю, что общее собрание наше решение утвердит.

...Воскресенье — выходной день в колхозе имени Кагановича. Вместе с Терентием Андреевичем Агафоновым мы прошлись по селу, завернули на самую примечатель-

ную в колхозе, сплошь застроенную новыми домами Минскую улицу.

— Зайдемте к Макаревичам, — предложил Агафонов.

Оксану мы застали в садике. Росли в нем тоненькие, метровой вышины яблони и вишенки, низенькие, высаженные только этой весной кусты смородины и крыжовника. Но по тому, как заботливо была вспушена земля около деревьев, по тому, как любовно поглядывала на них молодая хозяйка, можно было сказать с уверенностью, что этому саду жить и цвести.

Небольшая, легонькая Оксана, завидя гостей, проворно побежала к крыльцу, старательно вытерла о половичок смуглые босые ноги и, усмехнувшись, пригласила нас в дом.

Там было тихо, прохладно. Бросалась в глаза чистота полов, стен, занавесок. Мебели было маловато — и оттого комнаты выглядели слишком просторными, словно бы нежилыми.

— Так Николай за этим и поехал сегодня в Абакан, — сказала Оксана. — Может, разбудит какой-нибудь диванчик... А не разбудит, придется Михаилу Павловичу подсказать, пусть мебельную мастерскую в колхозе открывает. Иначе не обойтись.

Я поинтересовался, строго ли соблюдаются в Райкове выходные дни.

— А как же! — был ответ. — И выходные и праздники. На Первое мая, перед севом, мы в город на демонстрацию ездили. Машины красной материей обтянуты, на бортах — лозунги, на кабинах — портреты. И люди все нарядные, будто делегация из Москвы!.. Сколько девчат к нам потом подходило! Справлялись: где шьют вам так фасонисто?

Оксана присела у стола, подобрала ноги, склонилась щекой на ладонь. Лицо ее было задумчивым, а в голосе слышалась такая гордость за родной теперь колхоз, что у меня появилось невольное сомнение: да нужен ли этот испытательный срок?..

— Ну отчего же не нужен? — возразил мне Агафонов. — Воспитательная мера. К порядку она с самого начала людей приучает...

— Да разве только к порядку! — горячо вмешалась Оксана. — А не было разве таких, кого отводил этот срок от Райкова! Вы Пименова и Спиридонова вспомните!..

— Ну да, натерпелись бы мы с ними, если б не испытательный срок, — подтвердил Агафонов.

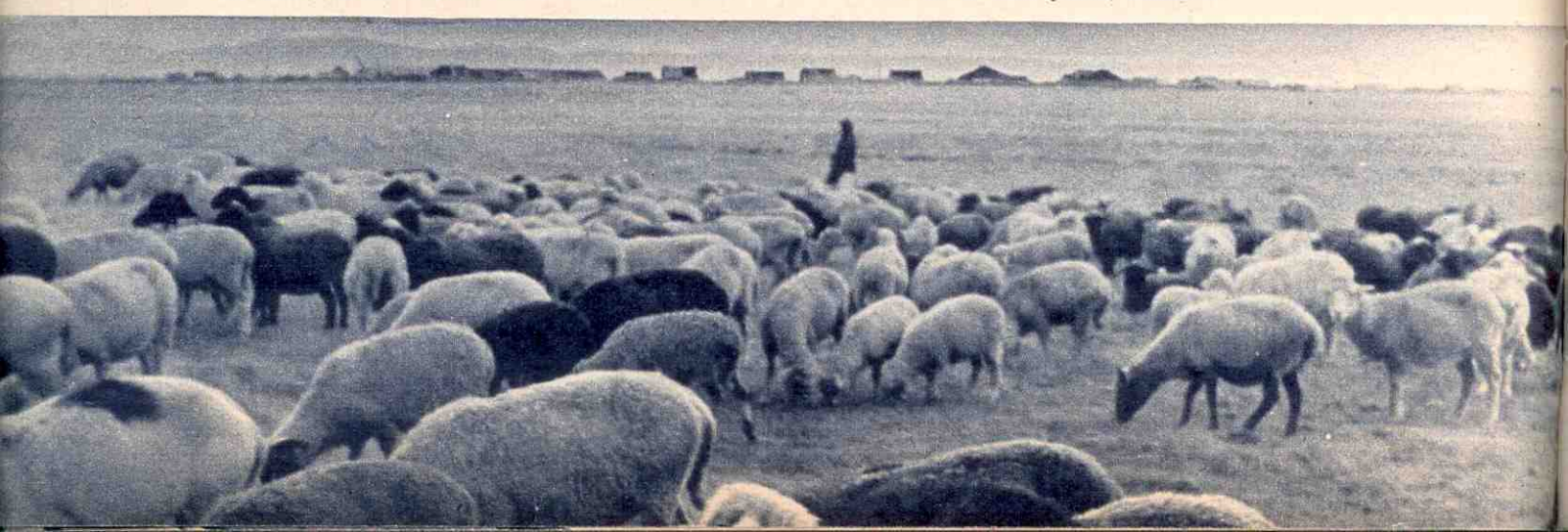
Трудно сказать, что заставило Спиридонова и Пименова переселиться из Орловской области в Сибирь. Оба называли себя незаменимыми специалистами: Спиридонов — по научной части, Пименов — по хозяйственной. Оба с презрением смотрели на местных жителей и на сибирскую землю. Пьянствовали, дебоширили, оскорбляли колхозников. И когда им отказали в приеме в члены колхоза, Пименов и Спиридонов сделали вид, что это их не очень-то огорчает.

Спиридонов куда-то исчез, а Пименов и теперь иногда навещается в Райков. Ему удалось устроиться по соседству, на животноводческой ферме колхоза имени Калининна. Приезжает, предлагает из-под полы ворованные мерлушковые шкурки, посмеивается. Но нет-нет, да и примолкнет, осмотрится сторожко, помрачнеет. Видно, понимает: приходит конец его беззаботной жизни.

— А как же иначе! — заключила Оксана. — Должны ж и соседи у нас чему-то поучиться. И они поймут, не станут брать в колхоз первого встречного.

На тучных лугах пасутся отары колхозных овец.

Усть-Абаканский район, Хакассия.

Гневный голос

НАРОДОВ

— Окупанты должны уйти из Египта, — потребовали рабочие и служащие «Трехгорной мануфактуры». На трибуне — ткачиха В. Фомина.

Фото Н. Рахманова (ТАСС).

В Нью-Йорке открылась очередная, XI сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Она обсудит важные, волнующие человечество вопросы. Среди них в первую очередь события на Среднем Востоке, беспрецедентное и чудовищное нападение Англии, Франции и Израиля на Египет.

Каждый честный человек в мире искренне и глубоко возмущен этим преступлением. Крупные империалистические державы подвергли без объявления войны египетские города и деревни бомбардировкам. В Порт-Саиде, на Суэцком канале, целые кварталы домов превратились в развалины. Под ними погребены сотни и тысячи ни в чем не повинных мирных жителей.

Не только Порт-Саид, десятки других населенных пунктов подверглись бомбардировкам. Агрессоры разрушали школы и мечети, дороги и мосты. Их самолеты пролетали над полями и с брющего полета расстреливали крестьян.

Трудно оценить ущерб, нанесенный Египту, трудно подобрать слова, чтобы полностью выразить гнев и возмущение народов варварскими действиями англо-французских колонизаторов и их израильских наемников.

Что толкнуло агрессоров на преступное нападение? Английским и французским капиталистам не нравится, что Египет освободился от их гнета, стал свободной и независимой страной. Они не могут примириться с тем, что Египет взял в свое владение Суэцкий канал, построенный руками египтян и проходящий по египетской территории. До этого мно-

гие десятилетия на канале хозяйничали и наживались иностранные капиталисты. Любой ценой они решили вновь завладеть каналом, установить в Египте прежние колониальные порядки. Английские генералы хвастались: «Мы в двадцать четыре часа одержим победу!» Но плохо вооруженные и не имеющие военного опыта египтяне устояли перед ударом, нанесенным с помощью самых современных самолетов, военного флота и другой техники двух великих держав. Агрессоры были вынуждены отступить.

Пожалуй, нет в мире такой страны, в которой не прошли бы сотни и тысячи митингов протеста против нападения агрессоров на мирный Египет. Трудящиеся всего мира единодушно осудили разбой империалистов. На чрезвычайную сессию собралась Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, и почти все члены ООН, кроме, разумеется, Англии, Франции и Израиля, вынесли решение: немедленно прекратить кровопролитие! Огонь был прекращен, но можно ли сказать, что агрессия закончилась? Нет, английские, французские и израильские оккупанты попрежнему топчут египетскую землю. Империалисты не хотят уходить из Египта, с берегов Суэцкого канала.

Поэтому и не прекращается движение в защиту Египта в Советском Союзе и в зарубежных странах. Волна протеста растет, во многих государствах добровольцы готовятся в случае возобновления военных действий с оружием в руках помочь Египту отстоять свою жизнь, свободу, независимость. Рабочие, крестьяне и служащие в разных странах вносят свои трудовые деньги в фонд помощи

пострадавшим от бомбардировок египетским семьям. И взгляды миллионов людей сейчас обращены к Организации Объединенных Наций, которая должна пресечь агрессию и заставить ее организаторов расплатиться за злодеяния. От того, что сделает ООН, зависит авторитет этой организации, в которой, к сожалению, есть еще сторонники «холодной войны», не желающие дружбы между народами.

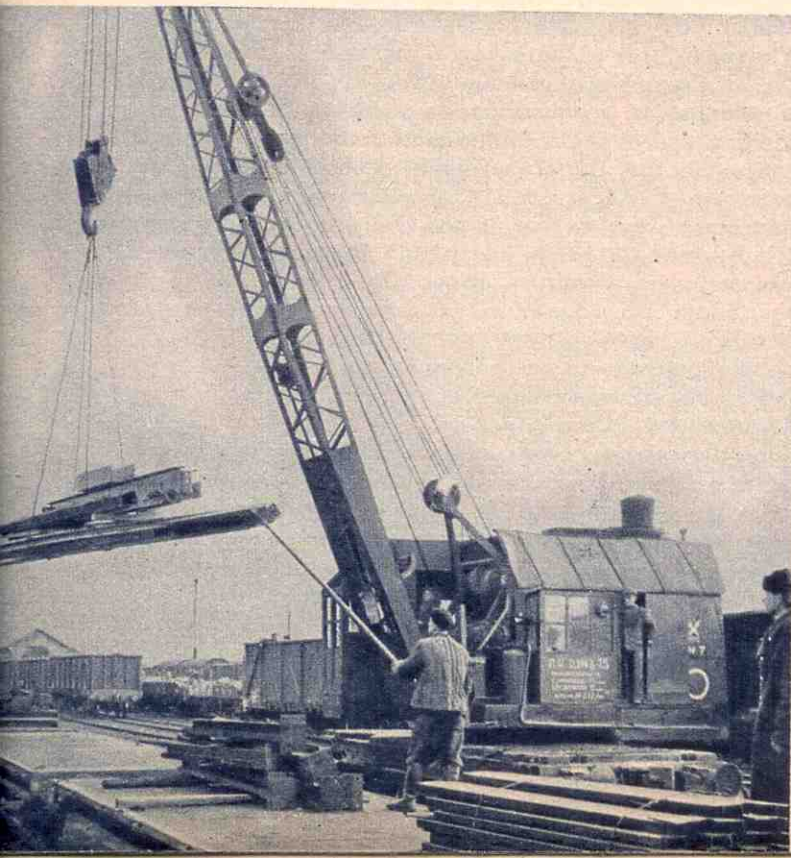
На Генеральной Ассамблее стараниями США, Англии и Франции был включен в повестку дня нынешней сессии так называемый «венгерский вопрос».

Почему это США, Англия и Франция вдруг заинтересовались судьбой Венгрии и ее делами? Известно, что империалисты, и в первую очередь американские, в послевоенные годы не щадят ни усилий, ни средств для того, чтобы путем заговоров и диверсий вернуть страны народной демократии в лагерь капитализма, покончить с властью трудящихся в этих странах. США совершенно официально выделяют сотни миллионов долларов на подрывную деятельность в этих государствах. Незадолго перед событиями в Венгрии к прежним ассигнованиям было добавлено еще 25 млн. долларов. Ход событий в Венгрии совершенно отчетливо показывает, что контрреволюционный мятеж был подготовлен заранее.

В конце октября в Будапеште состоялась мирная студенческая демонстрация. Ее участники требовали, чтобы правительство быстрее исправило некоторые ошибки прошлого и погрешности в работе государственного аппарата. Демонстрацией воспользовались заговорщики, которые в подполье давно уже готовились к свержению народной власти вооруженным путем. Среди заговорщиков были

Трудящиеся нашей страны протянули венгерским друзьям руку бескорыстной помощи. На снимке: отправка проката в Венгрию с пограничной станции Чоп.

Фото Л. Ковгана (ТАСС).

агенты иностранных разведок, бывшие помещики и фабриканты, уголовники и фашисты из числа приспешников бывшего венгерского фашистского правительства Хорти. Все это реакционное отребье и стало во главе мятежа, к которому присоединилось некоторое число честных венгров, обманутых реакционерами и не знающих об их стремлении восстановить в стране капиталистический строй.

Происходили кровавые события. Бандиты громили помещения общественных организаций, врываются в квартиры коммунистов, зверски убивали их и членов семей, вешали на фонарных столбах. Как в гитлеровские времена, на улицах горели костры из книг классиков марксизма-ленинизма и произведений прогрессивных писателей. Мятежники поджигали дома и магазины, пытались разрушать заводы и шахты. Из эмиграции вернулись помещики и заводчики, они рассчитывали в скором времени вернуть свои богатства, а трудящихся опять заставить гнуть на них спину.

Американские радиостанции, расположенные в Западной Германии, в это время подстрекали венгров к восстанию, призывали к расправам с коммунистами и сторонниками народной власти. Из Западной Германии и Австрии бандиты получали подкрепления людьми и оружием. Руководитель американской разведки Аллен Даллес впоследствии заявил, что ему было «заранее известно» о том, что готовится мятеж.

Трудящиеся Венгрии отстаивали свои социалистические завоевания. Они обратились за помощью к Советскому Союзу, который оказал им поддержку в подавлении контрреволюции. Планы империалистов — превратить Венгрию в очаг новой мировой войны, в опорный пункт для наступления на другие страны народной демократии — были сорваны. В стране сейчас восстанавливаются порядок и нормальная жизнь. После долгого молчания зазвучали заводские гудки, появились на улицах трамваи и автобусы, дети пошли в школу. Но разрушений много. В стране не хватает продовольствия и медикаментов. Трудящиеся социалистических стран в трудную минуту протянули своим венгерским братьям руку бескорыстной помощи.

Восстановление порядка в Венгрии приводит в бешенство зарубежных организаторов контрреволюционного мятежа. Они не могут смириться с тем, что венгерский народ отстоял свою независимость, свой народно-демократический строй. Западная печать открыла клеветническую кампанию, полную лжи и нападок на народную Венгрию, на Советский Союз. Вопреки протестам Венгрии, «венгерский вопрос» вынесен на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Ясно, зачем это сделано: любыми средствами отвлекать внимание народов от англо-французских злодеяний в Египте.

Простые люди во всех странах умеют отличить тех, кто разжигает войну, от тех, кто всеми силами поддерживает мир. Они требуют сурово наказывать зачинщиков нападения. Могучее движение сторонников мира способно помешать тому, чтобы на Среднем Востоке разгорелось пламя новой войны. Слова «Империалисты, вон из Египта!» гневно и грозно звучат сейчас на всех языках, на всех материках земного шара.

В. АРДАТОВСКИЙ

Богатый урожай льна собрало звено Теодозии КОЗАК из колхоза имени Кирова, Сколевского района, Дрогобычской области. Правительство УССР наградило молодую звеньевую ценным подарком.

Цветное фото Г. Дубинского.

В ВОЛОСТНОМ ЗАГСЕ.

Государственная Третьяковская галерея.

А. В. Моравов.

Отремели бои. Закончилась гражданская война. Возвратились домой победители — бойцы славной Красной Армии. Можно мирно трудиться, строить свою жизнь.

Перед столом волостного загса молодая пара: вчерашний боец в буденовке и сильная, жизнерадостная девушка. Яркие, сочные краски хорошо передают общую атмосферу бодрости, радостного настроения.

Эту картину написал в 1928 году советский художник Александр Викторович Моравов (1878—1951 годы).

А. В. Моравов в 1901 году окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где он учился у выдающихся русских живописцев Серова, Коровина, Архипова.

Избранный после окончания училища в члены Товарищества передвижных художественных выставок, А. В. Моравов написал много картин, нужных и понятных народу. Среди его полотен, выставленных во многих музеях нашей страны, можно увидеть произведения о В. И. Ленине, на историко-революционные темы и картины из быта крестьян.

Герой Социалистического Труда
Е. А. Долинюк.

Переписка друзей

Герой Социалистического Труда
А. Т. Фомина.

БЕРЕЖНО хранит эту небольшую пачку писем и черновиков Анна Тимофеевна Фомина, звеньевая колхоза имени Сталина. Письма эти дороги Анне Тимофеевне как живая память о друзьях из далекого украинского колхоза — Евгении Алексеевне Долинюк и женщинах ее звена, с которыми она соревнуется с 1955 года. Нам кажется, что эта переписка будет интересна и нашим читателям.

От Анны Тимофеевны Евгении Алексеевне

«Здравствуйте, многоуважаемая Евгения Алексеевна!

Извините, что пишу вам в такое время, когда у вас, наверно, самый сев и вам не до меня. Но на сердце так беспокойно, что надо мне с кем-нибудь поделиться.

Все не идет у меня из головы наш разговор на совещании передовиков сельского хозяйства, когда мы слушали доклад Никиты Сергеевича. Может, лучше было не вызывать вас тогда на соревнование? Сама теперь не знаю. Видать, не по силам мы взяли обязательства! Ведь мы никогда не имели дела с кукурузой. И никто не подсказал, ни агроном, ни начальство. У вас, конечно, опыт большой, на Украине, вы и взяли на себя пятнадцать гектаров, а мы так все шестьдесят. Не подумали, что не под силу это нашему звену, в котором всего-то восемь женщин. Но отступить уже нельзя было. Ведь я еще до совещания выступила в газете с нашими обязательствами.

Поделилась я со звеном своими сомнениями. Ну, как водится, тут и покричали, и поругались, и вздыхали. Потом Федотова Вера Емельяновна, она с самого начала в нашем звене, говорит: «Что спорить? Люцерну мы тоже первые в области посеяли. Намучились с ней, а выдюжили. И с кукурузой выдюжим». Так и решили.

Стали нам выделять землю под посев. На дворе весна, план посевов менять поздно, выкроили нам, что могли. Двадцать гектаров на пойме, это хорошо, а сорок гектаров — солонцы. Приехало начальство из района, из МТС, шумят, спорят, вовсе не велят сеять, говорят, не вырастет здесь никакая кукуруза. Я слушала, слушала, да как обозлилась! Говорю: «А где вы раньше были? Все равно теперь будем сеять! Я слово народу давала! Вырастим,—

значит, может она расти на солонцах, у нас их полна степь, а не вырастим,— моя вина...» Женщины мои меня поддержали. И решили сеять.

А теперь я переживаю. Прямо сна лишилась. Муж ругается, говорит, все здоровье потеряешь. А что здоровье! Все думаю, может, надо было отступить, не срамиться с этим посевом перед людьми. Напишите ваше мнение, Евгения Алексеевна.

Земля у нас еще холодная, но сев не за горами. Жду вашего письма.

С тем остаюсь ваша знакомая звеньевая Анна Фомина».

От Евгении Алексеевны Анне Тимофеевне

«Добрый день, дорогая Анна Тимофеевна! Спешу сообщить, что письмо ваше до нас дошло и мы зачитали его на звене. Разговору было много, а в общем женщины велели вам отписать, что вы правильно сделали: не отступились от обязательства. Просим вас, Анна Тимофеевна, вы не журитесь. Ваш муж правильно понимает насчет здоровья: как говорят старые люди, не будет здоровья, не будет и силы, а не будет силы, так и кукурузу не вырастишь.

Теперь посоветуем вам практически. Первое: очей не сводите с трактористов, чтоб сеяли они точно в квадрат. Будет квадрат — культиваторы пройдут вдоль и поперек. От этого лучше обработка почвы, и вам меньше махать тяпками. Второе: на соленой земле кладите в гнездо четыре — пять зерен, какое-никакое вырастет. А на пойме кладите одно — два зерна. Следите только за сорняком. Считайте, что те двадцать гектаров на пойме — главная ваша надежда.

На том до свидания. От всего звена передаю низкий поклон и желаю доброго здоровья. Пишите нам; если надо, поможем от всего сердца.

Евгения Долинюк».

От Анны Тимофеевны Евгении Алексеевне

«Родная моя Евгения Алексеевна!

В первых строках шлю я вам и вашему звену низкий поклон и сердечное спасибо за добрый совет и ласковое слово. Теперь напишу о наших делах. Отсеялись мы три недели назад. Тракторист

постарался, и квадраты получились хорошие. В соленую почву внесли по три тонны перегноя на гектар. Сначала кукуруза взошла на пойме. Крепкие такие росточки. А на солонцах все нет и нет. Наконец взошли — желтые, невеселые. Стали их подкармливать калийной солью. День и ночь не разгибали спины. Видим, поднялись ростки, зазеленели. А все-таки не сравнить с поймой. Ваша правда, на нее наша надежда. Нам теперь хорошо помогают. Научный сотрудник из Института сельского хозяйства объясняет нам агротехнику, это он посоветовал насчет перегноя и подкормки. На прополку прислали к нам ребят из ремесленного училища. Правда, озорники они, за ними глаз да глаз, а все-таки помогут.

На этом письмо кончаю.

До свидания, пишите о себе. Доброго вам здоровья.

Ваша Анна Фомина.

Евгения Алексеевна, так и не отправила я письма, а теперь дописываю. Беда у нас приключилась. Кто его знает, отчего вновь поднялась вода в реке и залила нашу пойму. Расстроились мы прямо до слез. Весь труд наш пропал, вся наша надежда. До самого 30 июня простояла вода. А сошла — грязь, чернота, хоть бы один росточек. Что теперь делать, не приложим ума. Ученый наш сотрудник советует пересеять. Так ведь июль месяц пошел! Вырастет ли что?

Вот какое у нас горе, Евгения Алексеевна.

Анне Тимофеевне Фоминой

ТЕЛЕГРАММА

«Советуем пересеять на силос. Вырастет. Долинюк».

От Евгении Алексеевны Анне Тимофеевне

«Добрый день, дорогая Анна Тимофеевна!

Кланяются наши женщины вам и вашему звену и интересуются, что же вы ничего не пишете уже почти что три месяца. Времени писать и у нас мало, а вспоминаем мы вас часто. Как там ваша кукуруза на пойме и как на солонцах? Мы свою уже убрали, и обязательства выполнили. Сильно беспокоимся за вас. Пишите скорее.

Ваша Евгения Долинюк».

От Анны Тимофеевны Евгении Алексеевне

«Дорогая Евгения Алексеевна!

Сама знаю, сильно виновата я перед вами и вашим звеном, что долго не писала. По правде ска-

зать, закружилась. Нелегко далась нам кукуруза. Зато и выросла и на пойме и на солонцах. На пойме так прямо лес. У нас там коров пасли загонным способом. Войдут они в кукурузу, только хруст идет. Хватило кукурузы и на пастбы и на силос. На солонцах мы собрали с двенадцати гектаров по сто два центнера початков молочно-восковой спелости, а с двадцати восьми гектаров — по шестидесяти центнеров восковой спелости. Даже не верится, что мы столько вырастили. Значит, может расти кукуруза на солонцах! Вот какие наши успехи. Послали на нас документы в Москву, на выставку.

Все мое звено и я лично поздравляем вас с выполнением обязательства и желаем здоровья и счастливой жизни.

Ваша Анна Фомина».

Анне Тимофеевне Фоминой

ТЕЛЕГРАММА

«Поздравляем участием Всесоюзной сельскохозяйственной выставке пятьдесят шестом году. До встречи Москве.

Долинюк».

От Анны Тимофеевны Евгении Алексеевне

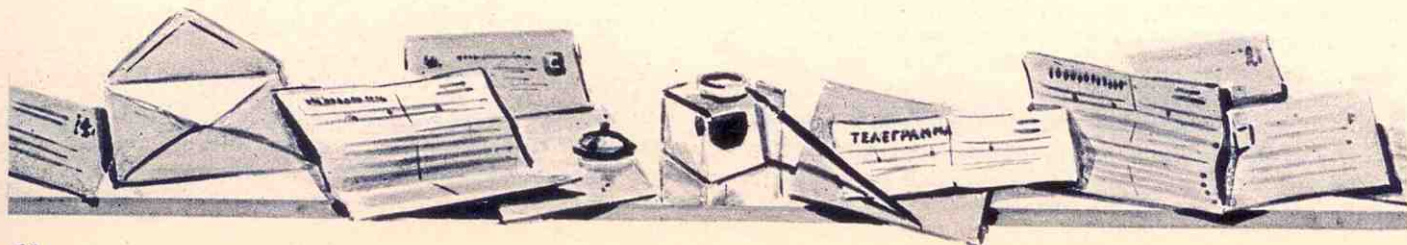
«Здравствуйте, дорогая Евгения Алексеевна!

Давненько я вам не писала, почти год. Все думала, встретимся в Москве, на выставке, а не довелось. Получило наше звено Малую золотую медаль, а я лично — радиоприемник. В нынешнем году мы взяли двадцать семь гектаров. Конечно, так намного легче. Был бы у нас урожай выше прошлогоднего, да только градом побил кукурузу. Совсем было пропала. Но мы ее подкормили, прорыхлили — ничего, выжила. Взяли по 50 центнеров початков молочной спелости да по двести центнеров зеленой массы. Теперь в каждом колхозе сеют у нас кукурузу, где по четыреста, где по шестьсот гектаров. Пошла кукуруза в Саратовской области! А у меня мысли теперь совсем про другое: хотим заняться суданкой, вы, верно, знаете, ее сеют у вас на Украине. Женщины тоже не против, кукурузу мы, говорят, уже знаем, а тут новое. Мы всегда за новое брались. Так вот, что вы нам присоветуете, Евгения Алексеевна, насчет суданки? Сеете вы ее или нет, и что это за культура? А то, может быть, взялись бы мы с вами соревноваться и по суданке? Напишите нам ваше мнение. Ждем ответа.

Ваша верная подруга звеньевая Анна Фомина».

Переписала и обработала А. ЕЛАГИНА.

Хвалынский р-н,
Саратовской области.

ЗА ГОДЫ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Велики успехи албанского народа в строительстве новой жизни. В отсталой в прошлом Албании в десять раз по сравнению с довоенным уровнем выросла промышленность. На полях страны работают сотни тракторов, производство зерна за это время увеличилось на 67 процентов.

Намного улучшилась жизнь народа. Только за первую пятилетку национальный доход повысился примерно на 70 процентов, выросла заработная плата рабочих и служащих, выросли доходы крестьянства.

Народный строй сделал просвещение и культуру достоянием широких масс. Даже в самых отдаленных уголках страны имеются начальные и семилетние школы.

Но самых больших успехов народная республика добилась в улучшении положения женщин. Женщины активно участвуют во всей жизни страны. Сейчас в Албании сотни женщин являются депутатами народных советов городов и сел и Национального собрания. А ведь в недавнем прошлом женщины не имели права голоса.

Заботой окружены здесь мать и ребенок. За последние пять лет государство выдало многодетным матерям пособий на большую сумму. В рабочих поселках и деревнях открыты ясли, которых прежде не знали в Албании. Раньше там было всего 25 детских садов, а теперь — 289. Более 8 тысяч детей трудящихся проводят ежегодно каникулы в пионерских лагерях.

Албанский народ отдает все силы социалистическому строительству. Трудящиеся приняли обязательство досрочно завершить второй пятилетний план, который еще выше поднимет материальный и культурный уровень жизни страны.

На текстильном комбинате имени Сталина работает более 60 процентов женщин и девушек. Работницы хорошо овладели новой техникой.

Сбор табака в сельскохозяйственном кооперативе в Грили.

В. Г. КОРОЛЕНКО

«Жизнь кидала меня таким прихотливым образом, что мне пришлось видеть, и главное — почувствовать все слои русского народа, начиная от полудикарей якутов или жителей таких лесных углов европейского севера, где не знают даже телег, и кончая городскими рабочими».

Это сказал о себе писатель Владимир Галактионович Короленко (1853—1921). Ему было двадцать два года, когда его арестовали и сослали в Вологодскую губернию только за то, что он написал и подал директору Петровской академии, в которой учился, заявление в защиту товарищей-студентов. Через три года его снова сослали — в Вятскую губернию, без всякой вины, за одну лишь «неблагонадежность». Здесь он жил в курной избе вместе с крестьянской семьей. Потом Короленко служил табельщиком в железнодорожных мастерских в Перми. Отсюда за то, что он отказался подписать присягу на «верноподданство» царю, его сослали в Якутскую область, где он жил в юрте, занимался земледелием и сапожным ремеслом. Обо всем этом Короленко подробно рассказал в своих воспоминаниях, которые называются «История моего современника».

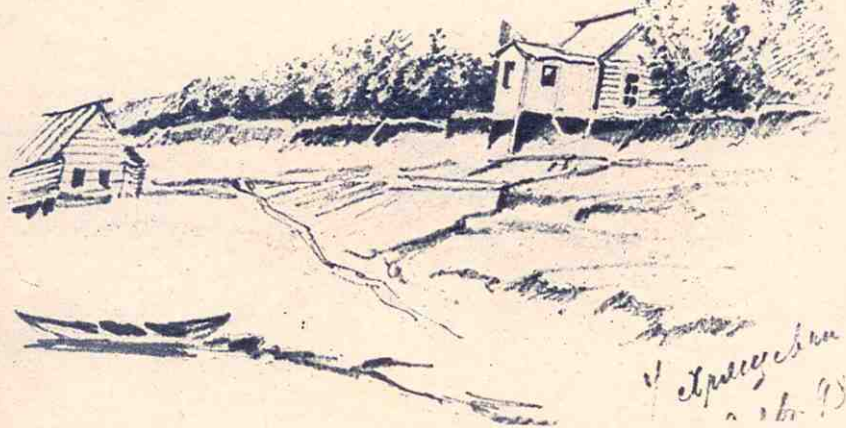
Вернувшись из ссылки, Короленко стал писателем. Он рассказал о беспросветной жизни якутского крестьянина («Сон Макара»), описал девушку-революционерку в рассказе «Чудная», в рассказах «Убивец», «Соколинец», «Федор Бесприютный», «Ат-Даван» поведал о людях, встреченных им в скитаниях по тюрьмам и ссылкам. Любовью к обездоленным проникнуть повести Короленко «В дурном обществе» («Дети подземелья»), «Слепой музыкант», «Без языка».

Короленко был не только писателем, он был общественным деятелем. Когда в 1891—1892 годах в Нижегородской губернии разразился голод, писатель поехал в голодающие деревни и устраивал там столовые для крестьян. О том, что он видел и слышал, Короленко рассказал в книге «В голодный год». Когда семерых крестьян-вотяков (удмуртов) присудили к каторге, Короленко бросил все дела и стал хлопотать за невинных, выступал в суде сам и добился оправдания. Когда в 1905 году в полтавском селе Сорочинцы зверски мучили и истязали крестьян, Короленко выступил в их защиту. И было немало других случаев, когда он, по словам Горького, отдавал «свои силы художника борьбе за справедливость и против бытового зверства». Прочитайте его статьи «Мултанское жертвоприношение», «Сорочинская трагедия», «Бытовое явление», «В успокоенной деревне»...

Короленко умер тридцать пять лет назад — 25 декабря 1921 года. Происходивший в это время в Москве Всероссийский съезд Советов почтил его память вставанием. От имени съезда М. И. Калинин послал семье Короленко телеграмму. В ней говорилось, что «все сознательные рабочие и крестьяне с глубокой скорбью узнали о кончине благородного друга и защитника всех угнетенных Владимира Короленко».

Мы публикуем очерк Короленко «Приемыш». Это глава из очерков «В пустынных местах», рассказывающих о путешествии писателя по Нижегородской губернии в 1890 году. В путевом дневнике Короленко записан слышанный им рассказ крестьянки из села Покровского на реке Керженец. Из этого рассказа были и создал Короленко свой очерк, рисующий душевную красоту русской крестьянки.

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

Рисунки В. Г. Короленко (12—13-е страницы), сделанные им во время путешествий по Волге в 1894 и 1895 годах. Публикуются впервые. (Из архива Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.)

ПРИЕМЫШ

Р а с с к а з

В. Г. КОРОЛЕНКО

РАНИМ утром, почти на заре, когда белый туман покрывал еще Святое озеро сплошным мягким покровом, мы прошли мимо его берегов, направляясь к Керженцу.

В полдень мы были уже в большом селе Быдревке и бродили по берегу Керженца, стараясь достать лодку, чтобы спуститься по течению реки к Волге.

Дело оказалось нелегкое. Какой-то белокурый мужик уверял меня, что у него есть чудесная лодка.

— Уж я, ваше степенство, знаю, что вам надо. Мой ботничок в час до неба сомчит... В сутки — к Макарью...

Но едва мы уселись в него и отпихнулись от берега, — ботник залезил изо всех щелей, закричал и тихонько опустился на дно... К счастью, катастрофа случилась недалеко от берега...

— Недорого и взял бы, — с искрой исчезающей надежды сказал мужик. — Ботник легкой, — сухо закончил он, пинком ноги придавая ветерану прежнее положение на песчаной косе. — Лучше этого ботника нигде не достанете.

В конце концов мы все-таки нашли то, что нам надо, но для этого пришлось спуститься вниз по реке, откуда уже не было видно ни Быдревки, ни большого тракта, по которому звенят колокольцы, ни длинного моста с телеграфными столбами.

Времени прошло не мало, когда мы уселись на наш корабль, спустившись с берегового крутояра. Наша лодка тихо двинулась вниз по течению, и сразу Керженец охватил нас своей тихой, задумчивой и сумрачной красотой.

Река узка... Темная струя несет лодку меж высокими берегами, точно в глубокой щели. Лучи склопящегося солнца золотят острые верхушки елей на левом берегу. На правом — ветлы мочат в воде свои бледнозеленые ветви. Тихо качаются белые и желтые кувшинки, и дальний лай собак или одинокий крик петуха несется откуда-то из невидных с реки деревень...

Я бросил весла и только порой направляю лодку, когда она подплывает к ветлам, и ветки бьют меня по лицу... Я знаю, что стоит мне подняться на высокий берег и я, может быть, опять увижу Быдревку и ее длинный мост, по которому тянутся обозы и летают почтовые тройки из Семенова на Вятку...

Но здесь не видно телеграфных столбов, не слышно почтовых колокольчиков... Налево — в реку заглядывает с яра дремучий лес, направо — шелест идет по траве да мать-

мачеха хлопает по ветру своими бледнозелеными листьями... Снизу они белые, пушисты и мягки, как прикосновение материнской руки. Сверху зеленые и холодные. Это — мачеха.

Солнце сильно склонилось и совсем исчезло за реки, а лодка все плыла вниз, не встречая на берегу живого существа. Наконец — еще поворот, и она вышла на широкое плесо. Песчаная коса сильно вдавалась в течение реки. На косе виднелся рыбацкий челнок, а у челнока босая девочка лет восьми возилась с тяжелым для нее веслом и рыбацкими снарядами.

Я шевельнул веслом, и наша лодка откнулась в отмель с другой стороны. Девочка повернулась. Ее синие глаза стали круглее, губы опустились книзу, и весло выпало из рук.

— Не бойся, умница, — сказал я помягче. — Мы тебе дурного не сделаем. Скажи, как поближе пройти в вашу деревню.

— Э-звона... Деревня-то...

Действительно, сделав несколько шагов, я увидел из-за кустов избышки деревни, сверкавшей окнами на вечернем солнце.

— А тебе кого? — спросила девочка смелее и с любопытством.

— Да нам бы вот чаю напиться, да, может, переночевать... Дело к вечеру, а плыть нам далеко.

— Переночевать? Ступай к Дарье Ивановне.

— А где она?

— Дарья Ивановна-то? Да ты Дарью Ивановну разве не знаешь?

— Да я здесь не бывал никогда...

— Ну, не бывал, так где тебе и знать. Погоди, мужик ейный, Дарья Ивановна, тут недалеко. Тятка, ау! Степан Федора-а-ч! — крикнула она нараспев, повернувшись к реке.

— А-а-а-ау! — отозвался откуда-то издали глухой мужичий голос.

— Подь, Степан Федора-а-а-ч, суда-у!..

Через минуту на берегу показалась фигура мужика, без шапки, с лохматыми волосами, босого и с грудью сетей на спине. Он шел, оцупив голову, покачиваясь, будто сонный, и несколько раз споткнулся на ходу. Девочка смотрела на него смеющимися глазами.

— Видишь, шатает его. Ты, может, подумаешь — пьяный он! Нет, не пьяный, а ночи не спит, — все на реке, на сеже, сидит — рыбачит. Снял у мужиков воды в кортома¹ вот тут повыше омота. Мамка, Дарья Ивановна, говорит: «Не снимай», — а он не послушался. «Сниму», — говорит. Пять рублей отдал. А рыба, слышь, и нейдет к нему... Вот он и старается...

— Да он тебе тятка, что ли? — спросил я, удивляясь, что она зовет мужика то тяткой, то по имени и отчеству.

Девочка не ответила. В это время рыбак, немолодой, угрюмого вида, подошел уже к нам: не скидая сетей, он остановился, посмотрел на меня отяжелевшими от бессонницы глазами и спросил:

— Чьи будете?

— Нижегородский, — ответил я. — Мне бы переночевать.

— Можно. Ступай, когда так, за мной.

И он пошел вперед, все так же спотыкаясь на ходу, будто вот-вот свалится и заснет у тропинки.

— Опять ни одной рыбешки не поймал, — сказала девочка, —мотри, свалишься еще...

Мужик промолчал. Мы вошли в улицу небольшой деревнюшки. Окна ее смотрели на реку, а задворки подходили вплоть к лесной опушке.

«Глухой, медвежий угол», — подумал я невольно, взглядывая на своего сурового провожатого.

Хозяйка Дарья Ивановна встретила нас, впрочем, очень приветливо и радушно.

Это была совсем еще молодая на вид женщина, с ласковыми, спокойными приемами и добрыми красивыми глазами, в которых по временам, когда она взглядывала на дремотного мужика, искрилась лукавая усмешка, как и у девочки. Степан Федорыч как-то уныло уселся на лавке и клевал носом.

— Много ли наловил? — спросила хозяйка и переглянулась с девочкой; обе при этом улыбнулись. — Эх, ты, горе-рыбак! Слушался бы меня, лучше бы было.

— Говори! — ответил Степан угрюмо. — Вот пойдет из омутов — поспевай только вынимать.

— Неужто опять сидеть станешь всю ночь?

— Пойти изготовить снасть.

Упрямый мужик поднялся и сонно поплелся из избы, а хозяйка стала хлопотать около самовара. Девочка помогала матери.

— Дочка-то как на тебя похожа, — сказал я, — только глаза да волосы посветлее.

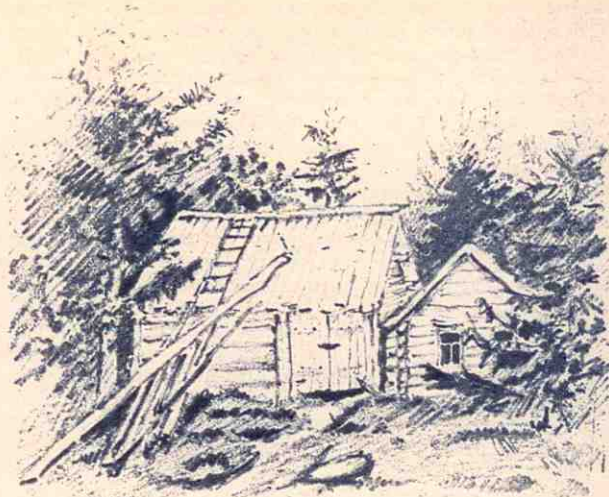
Женщина как-то странно улыбнулась и покраснела.

— А старик — муж тебе?

Она покраснела еще больше, до самых ушей, и даже закрыла лицо широким, узорно расшитым рукавом.

— Муж. Да он и не стар еще годами-те против меня. Работа да горе!.. Да теперь вот суется еще, как сонная муха, — почитай, неделю не спит: с рыбой связался... Забота! А нуще все-то кручина извела его, как сынок у нас помер. Двадцатый год пойдет с филипповок, как в сыру землю Мишаньку уложили.

— Двадцатый год? — удивился я,

глядя на зардевшееся румянцем мо-ложавое лицо Дарьи Ивановны.

— Да мне ведь уже сорок два года... Никто не верит... И то еще горе извело. Сколь много слез мы пролили... Детей господь батюшка больше не дал.

— А девочка эта?

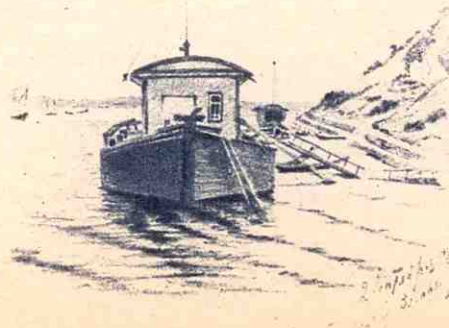
— То-то вот, говоришь ты: «похожа!» А она у меня богоданная, приемыш, — сказала Дарья Ивановна, ласково и как-то серьезно глядя рукой белокурую головку прильнувшей к ней девочки. — Да все меня, дурушка, мамкой зовет, а у нее ведь и родная-то мать жива... Так ты, слышь, долго все «чужой тетей» звала. Насилу я ее, дуручку, выгучила. Грех ведь! Вот теперь две мамки у нее. Да и у меня она тоже за двух: за дочку богоданную да за сыночка родного, за Мишаньку...

Она вздохнула, и выражение глубокой грусти тихо легло на лицо, сменяя стыдливый румянец. Тонкими пальцами загорелой руки она перебирала сборки на рукаве прижимавшейся к ней девочки. Девочка затихла и смотрела ей в лицо снизу вверх, как будто ждала дальнейшего рассказа про умершего мальчика. Было что-то глубоко захватывающее в молчании матери, посвященном любимой тени.

— Уж и красавчик был, уж и умной, — сказала она, разведя самовар и присаживаясь к столу. — Не я одна скажу, — кто знал, все дивились на него. Разговор имел приятный да степенный, иному взрослому в пору, да и то еще кто поумнее... Право. Бывало, сторонние люди зайдут, послушают, так только головами качали. Если, мол, бог этому младенцу дозволит в возраст взойти, — увидят от него родители себе утеху. Да, вишь, господь-то батюшка...

Она низко опустила голову и прижала девочку к груди, как будто в том месте у нее заболела старая рана.

— Ему, батюшке, сказывают, самому этакое нужны... Как во гробике-то лежал, уж мы плакали, плакали... Потом в пустой-те избе — тоже... Ровно свет из дому навек ушел... Он (мужа она называла в третьем лице) — он у меня извелся с той поры, — постарел, глазами ослаб... все от слезы-те.

¹ В аренду.

Днем-то, знаешь, стыдно, крепится перед людьми, а ночью и не выдержит, и завоет... Я за ним... Так вот и шло у нас все,— плачем да тоскуем. Уж люди — и то говорили: «Спокою вы младенцу своему на том свете не дадите; нешто можно этак?» Да что ты поделаешь — нет сердцу укороту ни сколько. Пять годов прошло, а легче нет... Только раз ночью — вздремнула я маленько, — слышу, кто-то по избе прошел... Дунуло на меня, повеяло чем-то, стала я ни жива ни мертва. «Миша, родной! Ты, что ли, это?» А сердце-те бьется, что пташка подстрелена, — вот умру, вот умру...

— Я, говорит, мамонька. Пришел к тебе, — послушай ты меня, что я скажу: не избить тебе грешной тоски, не укоротить сердца, не дашь ты и мне спокою-радости, поколь на сердце кого-нибудь не положишь...

— Мишанька, голубчик мой, кого ж мне на сердце положить, нет тебя, ненаглядного соколика... До конца веку не избить мне горяшка... — Сама плачу, руками тянусь, а в избе никогошенько не вижу. Услышал тут он у меня.

— Дарья, с кем, мол, баешь? — рассказала я ему: «Вот с кем я баяла, Степан Федорыч».

— Молись, говорит, богу... Видно, и впрямь грешно этак-то.

Наутро стали мы вспоминать да умом раскидывать. Видно, мол, надо приемыша взять, — к тому речь была Мишанькина, ни к чему более. По первоначалу-то будто противно подумать, ровно чужому Мишанькино добро отдавать. Потом свыкла. Только все с ним согласу не было. Он говорит: «Мальчика взять», а я думать не могу. Ему-то, вишь, лестно, что помощник будет, а мне как вспомнится Миша, так все парни опротивеют. Где же эта — кому другому быть, как он был! Только сквернословие да непочтение, — на это их возьми. Так и шло у нас все: все примериваем, да спорим, да тоскуем.

Да, вишь, привел бог, по-моему вышло. Видно, по Мишанькиному заступлению помиловал нас господь батюшка... Это за рекой, в деревнюшке, принесла девка младенца... Согрешила, бедная, да уж и муки же приняла: в семействе и прежде у них неладно было, — мачеха лютая и то со свету жила, а тут-и-и, боже мой! — чего натерпелась девонька моя. Известно, мачехи-те редко хорошие живут. По-настоящему-то рассудить, так, может, и тот девкин грех мачехе замаливать надо. Потому что первое дело: ейное несмотрение, второе дело: иная девка от невзгодья от одного, дома-то свету-радости не видя, на грех пойдет. Тоже ведь — живой человек, тоже ласки захочет. Ну, и поверит наша сестра другому подлецу. А там и плачь всю жизнь, проклинай свою девичью долю, непокрытую, а он, хахалишко, известно, другую дуру обманывает...

Так вот и с ней. Принесла ребеночка, — мачеха с глаз долой согнала. В чужих людях жить, сам знаешь, с ребенком-те маята, да еще все смеются, да ото всех бесчестье да попреки. Бьется, бедная, бьется, до того, говорит, добилась, что взять младенца на руки да в омут головой и с ребенком-те.

Только женщина попалась ей одна из нашего села и научила. «Вот что, говорит: Степан у нас Федоров с Дарьей Ивановой больно об сыне тоскуют. Попытай им отдать младенца. Ежели, говорит, судил ей бог судьбу, то не иначе, что у них судьба эта находится...»

Ну, вот уехал мой Степан Федоров в лес, одна я ноченьку ночевала, одна-одинешенька с тоской со своей. Лежу на полатах, — спать не сплю, все думаю. Только слышу — мимо избы прошел кто-то. Слушаю-послушаю, нет будто никого. Да вдруг кто-то в оконце стукнул раз и другой. Подошла я к окну, — ночь лунная, ясная, на траве каждая тебе росинка видна, а под окном никого...

Упало у меня сердце, отошла я от окна — к стенке прислонилась. Вдруг рука опять, да по стеклу, тихонечко стук-стук. Я к окну — гляжу: у стенок кто-то жмется, хоронится. Присела я на лавку, — господи, что такое? А сердце-то колотится... Ну вот, ровно в ту ночь, когда Мишанька приходил. Встала я, перекрестилась и говорю:

— Кто тут хоронится? Выходите, коли добрые люди!

Выходит тут перво-наперво наша деревенская старушка к окну. «Не бойся, — говорит, — Дарья, не с худым пришли». А та все жметя... И вижу я — у той полотенчиком на груди ребеночек подвизан... Господи батюшка! Потемнело у меня в глазах, ноженьки задрожали, руками за лавку держусь, — а то бы упала. Вспомнила свою Мишаньку... Думаю: «Вот она, судьба, ко мне идет». Замуж шла, — где тебе: далеко этакого страху не было.

Подошла наша женщина к окну. «Пусти, — говорит, — Ивановна».

— Пошто, говорю, вас ночь-полночь в избу пускать? — Ну, да сама все-таки дверь отворяю, огня не вздуваючи, — только месяц полный в окна светит. Переступили они порог, а я стою перед ней, перед девкой-то, ни жива ни мертва, ровно казнить-миловать она меня пришла. И стыдно-то мне, и страшно-то, и боюсь: ну, вдруг возьмет да уйдет она от меня? А младенец-то спит у ней в полотенчике — не слышит...

Ну, женщина наша и говорит ей: «Кланяйся, девка, в ноги!»

Поклонилась она мне в ноги да у ног ребеночка положила, припала к нему, плачет. Подняла я ее, ребеночка принимаю; горит у меня в руках, не знаю — брат, не знаю — не брать... И она-то... сама отдает, сама держит... и обе мы плачем...

Ох, и помню я, добрые люди, ту ноченьку месячную, не забыть мне ее будет до конца моей жизни...

На заре ушли они; обмыла я дитю, обрядила. Свою рубаху тотчас перешила, уложила ребенка в корзиночку... Сижу, жду его, Степана-то моего Федоровича. И опять мне, молодой, стыд, да боязно, да заботушка. Ровно вот без мужа ребенка принесла, право. Вижу: приехал, идет ко крыльцу, — я не встречаю, не привечаю — сижу на лавке. Вошел он в избу, — ребеночек как раз и скричи...

— Это, мол, что такое?

— Это, мальчика, говорю, бог тебе послал, Степан Федорыч.

Поди вот! И зачем солгала перед ним — не знаю, не ведаю. А уж где тут обмануть, — на минуту одну не обманешь: и рубашонка-то по-женски надвое сшита. Подошел он к корзине, поглядел...

— Какой это мальчик! Девочку взяла...

Больше ничего не сказал...

Она опять замолчала, тихо улыбаясь при воспоминании о своем Степане Федоровиче, которого она перепрямила и хотела еще обмануть. Мне вспомнилось суровое лицо хозяйина, и теперь оно показалось мне гораздо приятнее.

— Мамка, — тихо спросила девочка, отводя лицо от ее груди.

— Что, Марюшка?

— Что ж ты не баешь. Это я была — девочка-то?

— Ты, ты и была, глупая. Уж который раз спрашивает... Никакой ты ей сказки не сказывай, а все одно... Не переслушает... А уж и горя-те, и маяты-те что я с тобой приняла! Просто не приведи создатель. Хворая была, да скверная, да вся в стружьях, да все криком кричит, бывало, от зари до зари. Сердце все, что есть, изболело у меня с нею. Ночь бьешься-бьешься, силушки нету. «Изведешься ты у меня, Дарья, — говорит, бывало, Степан-то Федорыч. — Не дозволяю тебе, говорит, этак-то изводиться. Завтра же носи ее к матери». Ну, тут уж я молчу, не поперечу. А день придет, я опять: «Подождем еще, что будет, что господь даст». Он у меня отходчив — Степан-от Федорыч — и махнет рукой...

Она помолчала, тихо улыбаясь.

— Сказывал мне после старичок один — умный старик: «Это, говорит, ты так понимай, что господь батюшка в болезнях младенца милость к тебе являл. Нешто чужая девочка стала бы тебе за родного сына, которого ты под сердцем носила, ежели бы не переболело у тебя из-за нее все сердечушко-то заново».

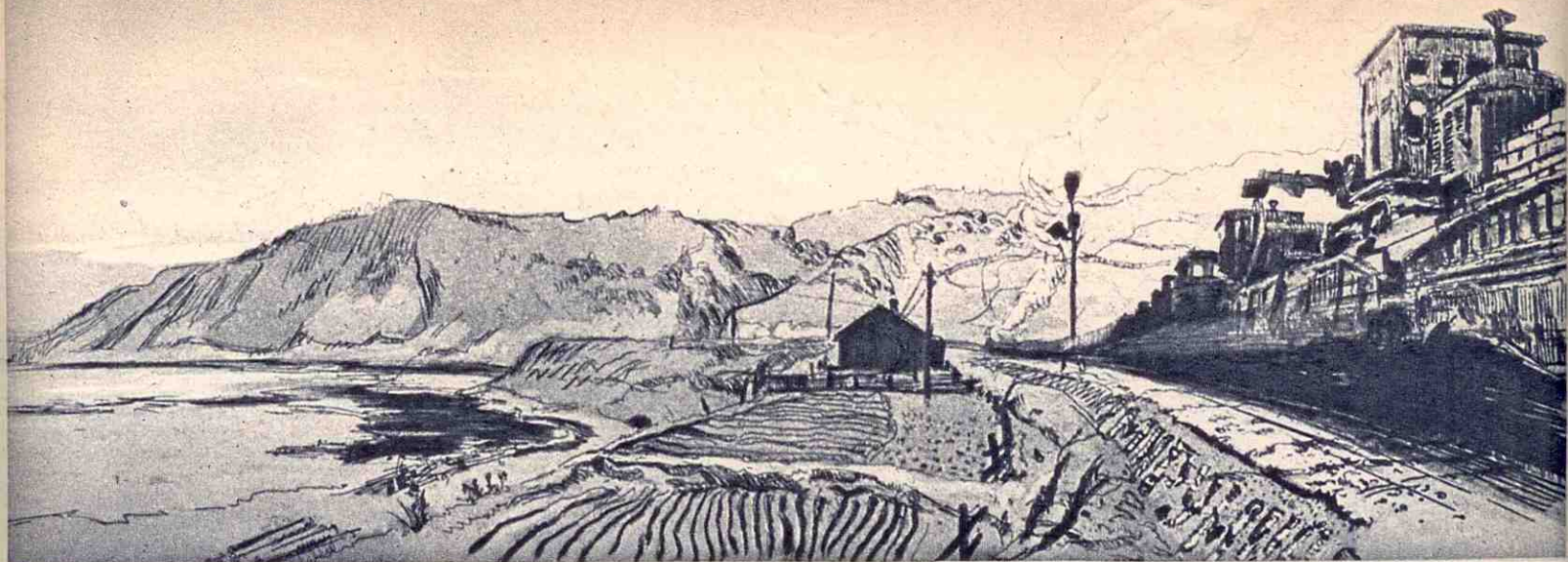
Пожалуй, и правда это: я ее в утробе не носила, грудью не кормила, так зато слезой изошла да сердцем переболела. Оттого иная и мать не любит так, что я ее, приемыша свою, люблю. Это хворь по детям ходила, ударило и ее у меня этой хворью. Уж я плакала-плакала... «Господи батюшка, — думаю себе, — и отколь у меня столь много слез за нее, откуда только льется их такая сила...»

Она смолкла... Девочка тянулась к ней с улыбкой баловницы-дочери. За окном чиркала какая-то вечерняя пташка, и, казалось, последний луч солнца медлил уходить из избы, золотя белокурую головку ребенка, заливая ярким багрянцем раскрасневшееся лицо поздней красавицы, любовью и болью сердечной завоевавшей себе новое материнство...

В сенях послышались медлительные шаги Степана Федоровича. Он вошел в избу и остановился на пороге.

— Самовар-то, гляди, у тебя убежал. Эх, вы, хозяйки... Собирай, что ли, на стол...

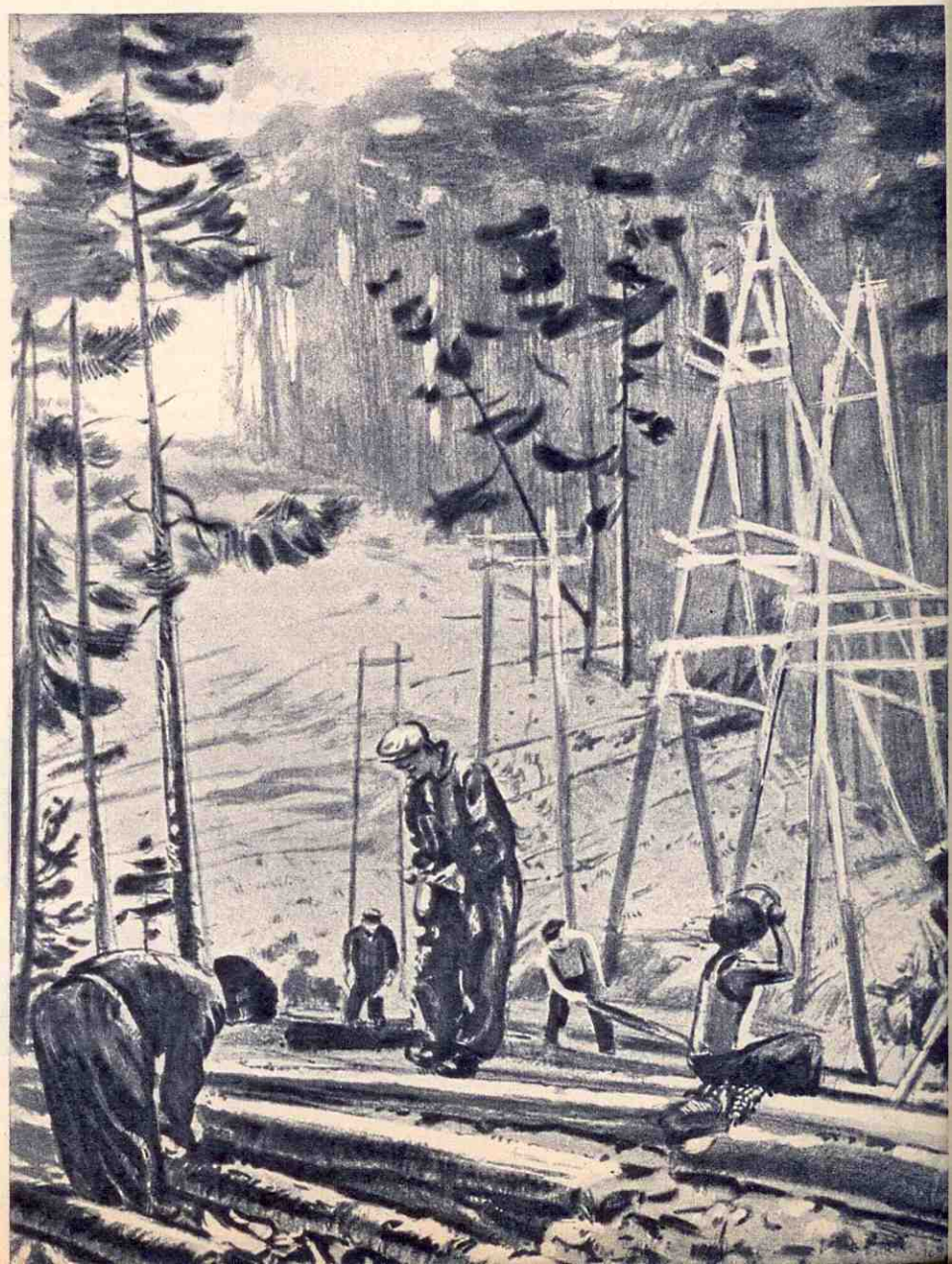
Дарья вскочила и, все еще взволнованная своим рассказом, принялась накрывать на стол...

НА СТРОЙКАХ СИБИРИ

Летом этого года, рассказывают художники С. Снаткин и М. Ройтер, нам удалось побывать на озере Байкал и проехать по Ангаре до города Братска, где будет строиться величайшая в мире Братская гидроэлектростанция. Мы своими глазами смогли увидеть, как наши товарищи «воюют» с тайгой, как обуздывают гордую, непокорную Ангару, как живут в новых краях. Все увиденное мы запечатлели в многочисленных этюдах и зарисовках, часть из которых публикуется здесь.

На берегах озера Байкал наше внимание привлекла не только красота воспетого в песнях «славного моря», но и движущиеся непрерывным потоком поезда с самыми разнообразными грузами («Поезда идут на Восток»). Затем мы поплыли на пароходе вниз по Ангаре, единственной реке, вытекающей из озера Байкал («У истоков Ангары»). По обеим сторонам могучей реки плотной стеной стоит тайга. Но и она отступает перед упорством строителей («Наступление на тайгу»). В этом мы убедились, когда увидели стройку Иркутской ГЭС, побродили по прямым широким магистралям одного из самых молодых городов нашей страны — Ангарска, промчались на машине по трассе, ведущей от старинного городка Братска к Падун-

Поезда идут на Восток (рисунки сверху)

Наступление на тайгу. ➤

ским порогам. Здесь у подножия восьмидесятипятиметрового утеса, с которого низвергаются грозные потоки воды, будет построена плотина самой мощной в Ангарском каскаде Братской гидро-

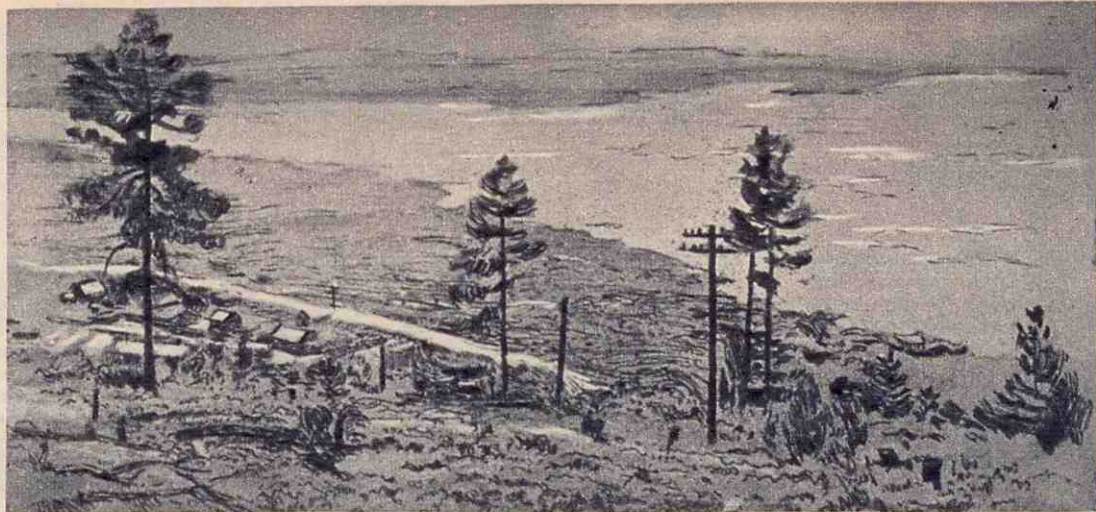
электростанции, которая поднимет уровень воды в Ангаре на 135 метров [«Здесь будет построена Братская ГЭС»]. Повсюду кипит работа: гудят трактора, расчищается лес, прокладываются железнодорожные пути, линии высоковольтной передачи от Иркутской ГЭС. Строятся благоустроен-

ные дома для новоселов. Но больше всего запомнились нам встречи с молодыми строителями, пришедшими сюда покорить могучие воды великой сибирской реки, пробудить к жизни этот суровый край. Их облик и старались мы передать в своих рисунках [«Молодые строители», «Вечер на Падуне»].

У истоков Ангары. ↓

НА СТРОЙКАХ СИБИРИ

Здесь будет построена Братская ГЭС. ↑

↓ Вечер на Падуне.

↑ Молодые строители.

Рисунки

С. Снаткина и М. Ройтера.

СТЕНА

Р а с с к а з

Пьер ГАМППА

Рисунки П. Пинкисевича.

ДОМАМИ они были соседи, но семьями — враги. Случается так в жизни. Причин тому было много... Между двумя стариками — Бертраном де Фреш и Луи де Меле шла настоящая война. Правда, в регистратуре мэрии оба они значились не под этими именами, но таков обычай нашего края — давать людям прозвища, которые потом передаются из рода в род.

Например, Бертран де Фреш в мэрии был записан как Бертран Рибо, но его никто никогда так не называл, а просто — старик де Фреш или папаша де Фреш.

Да, настоящая война шла между двумя стариками. Духом вражды прониклись и их семьи. Достаточно было одной незначительной ссоры, чтобы за ней последовал ряд других. С чего началось все это? Кто бы мог с уверенностью ответить! Может быть, только сами старики знали истинный повод. Но они молчали, стиснув зубы. Поскольку поля их были смежными, легко могли возникнуть любые раздоры из-за проложенной неловко межи или неровно проведенной борозды. Кое-кто помнил, что старики не вступали в разговор еще с той поры, когда оба вернулись с военной службы или вскоре после этого.

Так или иначе, но это случилось не вчера.

Семейство де Фреш было немногочисленным и состояло из самого Бертрана, его жены, ревматической старухи, которая никогда не покидала своего места у камина, дочери и ее мужа. У дочери детей не было. Каждый раз повторялось одно и то же: младенцы неизменно умирали в тот же день, в какой появлялись на свет.

Четыре раза они надеялись, и четыре раза напрасно. Не было доктора во всей округе, который не принял бы участия в судьбе несчастной. Последний, к кому обратились, прописал ей полный покой. Старый Бертран сам отправился в село и купил раскладной стул. Он заставлял дочь с утра до вечера просиживать на этом стуле в кухне или на пороге дома. Он не разрешал ей пошевелить даже пальцем.

— Надо, чтобы это время прошло так, в покое, — говорил он. — Может быть, на этот раз спасем ребенка...

Он думал только о плоде, который дочь носила в своем чреве. За благополучный исход родов он охотно пожертвовал бы своей правой рукой. Иногда видел, как он сидел, опершись локтями о колени, свесив голову и уставившись в землю. О чем он размышлял? О ребенке ли, которого ожидали, о своей ли собственной жене или о своей матери, которая была беременна им, своим пер-

венцем, которого она родила в поле, в полном одиночестве?

Когда Луи де Меле проходил мимо дома Бертрана по извилистой дороге в гору — семья де Меле жила немного выше — и смотрел, как бертранова дочь покоится на стуле, поставленном перед домом, он злобно ухмылялся.

Молодая женщина и ее муж едва ли подозревали это. Но когда Бертран де Фреш улавливал скользкую улыбку на сухом рыжем лице Луи, он разом постигал все значение его злобной радости. Точно сам дьявол читал ему мысли, написанные на лице Луи: хе, вон она там, снова разлеглась, как барыня. Опять лекарский уход, заботы, бдения. И ради чего все это? Из-за какого-то ребенка, который все равно умрет, едва родившись... Хилый род...

И самое ужасное было то, что Меле говорил это не в присутствии Бертрана, но либо почтальону, либо в корчме, когда заходил разговор на эту тему. О! Он не изощрялся в сарказме или ядовитой клевете. Он ограничивался только тем, что вздыхал, глядя вдаль: такой уж хилый род!

Старики старались не видеть друг друга и за многие годы не обменялись даже скудным словом. Десять лет назад однажды вечером они, встретившись на пастбище, сцепились, как волки. Никто их не видел, кроме молодого овчара. Он-то и рассказал о случившемся. Оба старика разошлись по домам с распухшими, испаряющимися лицами. С той поры они окончательно замолчали и только бросали друг на друга косые насмешливые взгляды.

Луи де Меле имел женатого сына и дочь, которая уже вступила в пору совершеннолетия. Сын привел в дом сноху, и у них один за другим родилось три ребенка — три мальчика.

— Плодовитая женщина! — говорили селяне. Но Бертран, сплонув в сторону, выпячивая свой подбородок и неизменно процеживал сквозь зубы: — Плодовитая сучка!

Всем было известно, что сноха Луи, до того, как войти в дом де Меле, имела какого-то мужчину, но почему-то оставила его. Считать из-за этого, что она развратная женщина, было бы далеким от истины, но Бертран твердо стоял на своем.

Говорил он еще много другого: что и дочь вела себя плохо и тайно погуливала с чужими мужьями и что вообще женщины де Меле никогда не думали о поддержании домашнего уюта, что всегда у них царил беспорядок и расточительство...

Порой Бертран поднимался в свой садик над самым домом де Меле. Он шел левой стороной дороги, держась подальше от жилья своего вра-

га и всем своим видом показывая полное презрение.

Даже дети де Меле, которые, случалось, играли перед калиткой дома, умолкали или начинали шushкаться, зная, что старый человек, который широкими шагами на негнущихся ногах шел по противоположной стороне дороги, ненавидел их и, стало быть, они должны были ему платить тем же.

О враждующих соседях в селе была сложена поговорка, которую всякий раз повторяли в назидание тем, кто вступал в распрю: и они кончат, как де Фреш и де Меле.

Дома их стояли на обочине дороги, а поля, принадлежавшие им, далеко простирались по взгорью, до самых пастбищ, упиравшихся в густую стену леса.

И так как дом де Меле стоял несколько на отшибе и на самом высоком месте подъема дороги, то и поля его были дальше и выше. Однако ему принадлежал большой равнинный участок, который вклинивался во владения Бертрана. На этом месте Луи де Меле построил амбар. Поблизости от него у Бертрана был луг с родником, бьющим глубоко из-под земли, вода которого буйно устремлялась в старое деревянное корыто, служившее пойлом для скота. Люди де Меле никогда не ходили за водой к бертранову роднику, хотя черпать воду из этого родника им было более сподручно, так как их собственный был слишком высоко. Они знали, что старик их подкараулит и прогонит, как воров.

Когда они работали вблизи от родника, они терзались жаждой, слушая нежной, плавное пение и бульканье свежей родниковой воды.

Несколько позже у родника Бертран возвел стену. Эта стена являлась выражением его отвращения, облеченного в материальную форму.

Обычно, чтобы охранить свои поля и урожай от поправы скотом, хозяева лепили небольшие стены из черепков и камней, добытых из земли. Эти стены были так низки, что через них без труда перелезали овчары, кроме того, они быстро разрушались сами по себе.

Но стена, воздвигнутая Бертраном, была настоящей стеной — намного выше человеческого роста. Старик постоянно осматривал ее, заботясь о том, чтобы она не разрушалась. Для большей прочности он обмазал ее известью.

Стена, настоящая стена! Каждый сезон он приходил к ней, надстраивал ее в высоту и удлинял.

В горячие дни, когда другие работали в своих амбарах или на окрестных полях, Бертран брел к роднику, подставлял горсть под ледяную струю и пил. Это была его собствен-

ная вода, какой не было у остальных.

Частенько он садился у родника и созерцал раскинувшуюся долину, розовые и фиолетовые очертания хребтов, которые четко выступали на бледном небе Венаска. Порой ему слышался мужской голос, то бранившийся, то жалующийся на что-то.

Это был голос Луи.

Бертрану тогда казалось, что его старый сосед плакался на жажду, которую не мог утолить.

Яркое солнце палило белую стену позади Бертрана. Раскаленные камни издавали терпкий запах, который смешивался с благоуханием луга. Одинокая старая черешня, слезящаяся желтой смолой, склонялась своими отяжелевшими ветвями над родником. Возможно, Бертран полагал, что это дерево походило на него. Он помнил его хрупким и молодым. Теперь черешня согнулась, и ее широко раскинувшиеся над ключом зеленые ветви охраняли его своей тенью...

* * *

Где-то внизу стучала молотилка. Запах перегара, пшеничный дух смешивались и наполняли своим ароматом изнывающие под солнцем сельские улочки. Под тяжестью мешков скрипели повозки.

Жара стояла сильная, особенно припекало на склонах, обращенных к югу. Старики сидели на порогах своих хижин. О, никогда еще не было такой жары... Никогда... А жара с каждым днем становилась все более нестерпимой... Все ждали, когда грянет гроза. Это было бы самое лучшее. Травы, сгорая от жажды, начали желтеть. В плодовых садах листья деревьев свертывались и осыпались, как осенью.

Вот в один такой день поздним послеобеденным часом подул легкий ветерок. Село будто вымерло: на его пустынных, потонувших в белой пы-

ли улицах не было ни души. Не слышно было даже постукивания клювов куриц. Мужчины безмятежно спали в выбеленных известью избах или на чердаках, а женщины отдыхали, неподвижно сидя в тени дома или укрывшись под навесом.

Внезапно подул ветер, и его дыхание оживило впервые за долгое время задремавшую вокруг природу. Солнце продолжало палить над горными склонами. Потом вдруг свет его потемнел, ветер усилил свою яростную песню, и солнце скрылось.

Люди ворочались на постелях, вытирая рукой вспотевшие лбы.

Никогда в жизни не было такого зноя... Никогда...

Старый Бертран встал с постели и тяжело зашагал на кухню, машинально поддевая привычным жестом штаны. Он подошел к умывальнику, взял стеклянный кувшин с водой, запрокинул голову назад и долго полоскал горло, вытирая губы после каждого раза. Затем подошел зять с заспаным, опухшим лицом. Бертран передал кувшин ему. Зять пропустил несколько глотков воды и начал крутить цыгарку. Старик ползлел к дверям. Раздвинулась полотняная занавеска, и вошла дочь с бельем в руках.

— Наверно, разразится сильная буря, — сказала она.

Старик взглянул на небо. Действительно, могло показаться, что наступила кромешная ночь. Облака все более нагромождались, они почти цеплялись за лес, а там, высоко над хребтами, небо стало свинцово-черным.

Не было слышно ни звука: ни птичьего крика, ни собачьего лая. Только дул ветер. Он пронзительно пел в сухих листьях и обгоревшей траве.

Старик взял со стола мешочек с табаком и, насыпав себе на ладонь несколько щепоток, принялся медленно крутить цыгарку. Первая зеле-

ная молния проползла по небу и осветила долину. Тотчас же под ее светом обозначились лесистые хребты. У входа в амбар пугливо закудаhtали куры. Следом за молнией по всему небу прокатился сухой треск. Ветер усиливался с каждой секундой. Полотняная завеса дверей взвилась, и в душную темноту кухни ворвалась свежая струя грозового воздуха.

— Заметьте, какая сила, — сказал зять.

Все окна и двери были наглухо закрыты, кроме одной, которая вела во двор. Даже дверь погребка, выходящая в кухню.

— Я не хочу, чтобы нас затопило! — со страхом произнесла дочь. И в это время в пыли потонули первые редкие капли дождя.

— Только бы не было града! — пробормотал старик Бертран: он думал о кукурузе и молоденьких виноградных лозах.

Синие и зеленые молнии одна за другой прорезали небо. Сельские собаки выли, не унимаясь. Дождь лил сплошным потоком, а скалы и леса будто танцевали, то появляясь в свете грозовых вспышек, то исчезая.

Старик смотрел на верхнее пастбище, где часто встречались оголенные пихты без листьев, белые, прямые и иссохшие от частых грозовых бурь, повторявшихся каждое лето и выжигавших их. Впрочем, опасность одинакова была и для людей, которых она застигала в пути. Бертран вспомнил о своем единственном брате, которого однажды удар грозы поверг на землю, о бабушке, которая пекла блины, когда молния прошла через трубу и ударила в печку. К счастью, бедная женщина отделалась одним испугом.

Преодолев страх, дочь захлопнула дверь кухни. Все сели вокруг стола. Неторопливо прошла старуха и, не говоря ни слова, заняла свое обычное место перед камином. Через незавершенное окно де Фреша пристально

всматривались во двор, где бушевала стихия. Их лица покрывались бисерными каплями пота, и они снова и снова вытирали их ладонями.

В кухне было все так же невыносимо жарко.

— Надо было бы немножко отворить,— сказал Бертран,— так и задохнуться можно...

Дочь ни за что не могла решиться на это. Она предпочитала спертый воздух опасностям грозы. Бертран поднялся и, громко стуча деревянными башмаками, подошел к окну. Он толкнул одну створку, и в избу ворвался страшный грохот. Старик хотел было попятиться назад. Все заметили его растерянность и нерешительность. Но ему не терпелось взглянуть, узнать, что же там делается, на улице. Он посмотрел на яблони на дороге. Огромная молния осветила долину, и отблеск ее озарил всю кухню. Старик не успел отшатнуться, как раздался новый оглушительный раскат.

— Вот это да! Вот это гром! — сказал зять.

— Закрой, закрой! — крикнула дочь.

Бертран закрыл окно, а затем снова слегка приоткрыл его.

— Что там смотреть! Что ты там увидишь?

Но стоявший у окна Бертран все что-то высматривал, к чему-то прищипывался.

— Пахнет горелым,— сказал наконец он.

Вскоре и другие стали ощущать сильный запах дыма.

Между тем небо прояснилось. Как будто последний удар грома укротил ярость бури, и теперь она, обессиленная, отступила.

— Наверное, молния угодила в какое-нибудь дерево,— пробурчал сквозь зубы старик и вышел во двор.

Другие последовали его примеру. Только старуха попрежнему осталась сидеть у камина. Они спустились во двор, взъерошенный прошедшей бурей, и, повернувшись лицом к дому, начали его внимательно осматривать. Все было в порядке. Если молния и зажгла бы какую-нибудь балку, втроем они без труда это заметили бы. Однако запах горелого, наносимый ветром, все более усиливался.

— Горит не дом,— сказала дочь.

Они спустились по склону, чтобы осмотреть двор с другой стороны. Навес не дымился, невредимым стоял и прилепившийся около него свинарник. Наконец они убедились, что ничто на их дворе не пострадало, и Бертран устремил взгляд на тяжелое небо, нависшее над горными вершинами, на далекие деревья вверх. Но вдруг он поспешно взмахнул рукой и указал в сторону стены. Там что-то случилось.

Зять и дочь тоже повернули головы в ту сторону, где были родник

и стена, и все поняли: за стеной стоял амбар де Меле, и терпкий запах горелого исходил именно оттуда.

Бертран побежал к стене. За ней слышались голоса. Это громко кричали люди де Меле. По дороге слышалось шлепанье деревянной обуви. Один из мальчуганов де Меле пробежал мимо.

— У них горит пшеница,— сказал зять.

Густое темнобагряное облако огня и дыма взвилось над стеной. Старик потрогал рукой черешню — ствол ее был влажен — и присел на край деревянного корыта у родника. В двадцати метрах от стены слышались душераздирающие крики снохи и дочери де Меле и грубые окрики мужчин, Луи и его сына. Затем послышалось металлическое скрежетание, видимо, спешно гнули ведра для воды. Но колодезь их был очень далеко. Молния ударила в амбар. В нем находилось зерно, запасы сена и хозяйственный инвентарь. Бертран превосходно знал, как горит зерно и трава. В таком случае трудно что-либо предпринять. Только мощные водяные струи могут помочь.

Зять смотрел на старика, а старик о чем-то тяжело раздумывал.

...Луи де Меле и его сын, не жалея себя, обрабатывали свои поля. Поднимаясь ранними утрами, они сеяли, жали, молотили. Зерно их было в этом амбаре. Зерно, из которого пекли хлеб и делали пироги.

Бертран обернулся. Около него шумел родник. Вода была рядом. Люди же де Меле должны были бегать, чтобы ведрами таскать воду. У них не хватало воды, у них не доставало рук. Дело шло о хлебе, о их хлебе.

Старик представил тяжелые колосья, мерно покачивающиеся на горных склонах. Легкое дуновение ветра ласкало их, как дремлющие воды пруда...

Бертран неожиданно выпрямился и повернулся к зятю.

— Беги, поищи заступ,— сказал он,— ломай эту стену! Не ради Меле, ради хлеба...

Он повернул свое лицо с заострившимся подбородком к амбару и крикнул:

— Эй, Луи!

Послышался стук деревянных башмаков.

После продолжительного молчания Луи наконец отозвался:

— Половина зерна пропала. Нужна вода, чтобы загушить...

— Вода здесь есть! — крикнул Бертран.

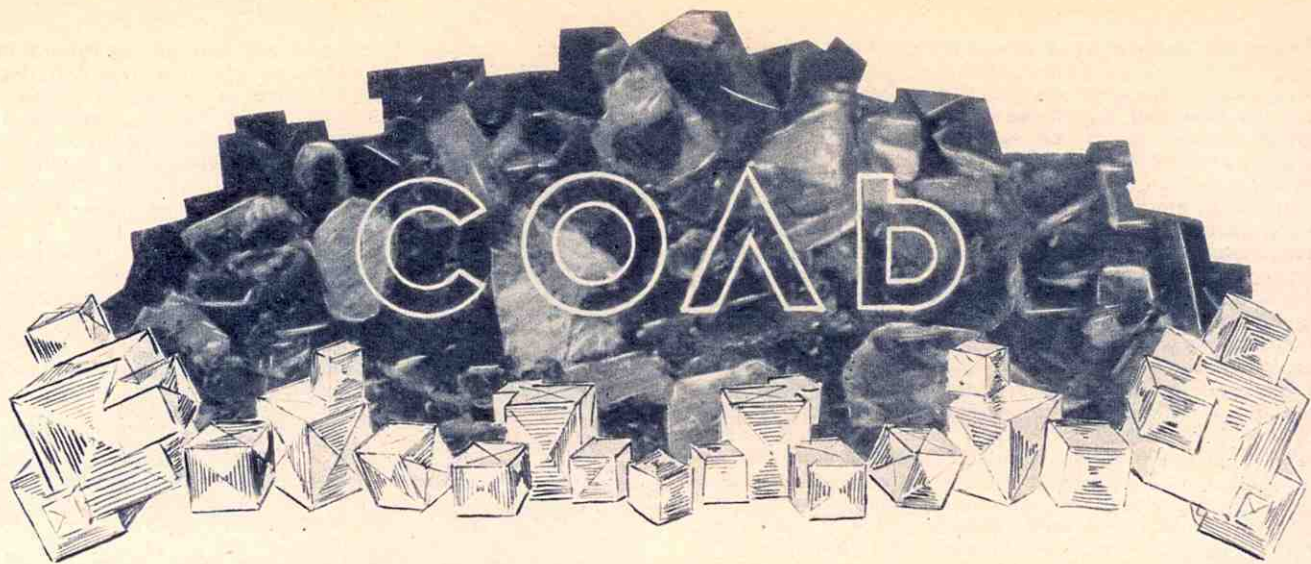
Прибежал с заступом зять. Старик выхватил его из рук и быстро устремился к стене. Он дважды ударил с силой. Верхний слой стены задрожал и рухнул. Бертран снова и снова ожесточенно долбил стену, пока в ней не появилась огромная брешь.

— Беги за ведрами! — крикнул он дочери.

Столб черного дыма выполз из амбара. Бертран зачерпнул из корыта ведро воды и бегом бросился к месту пожара.

Перевел с французского
В. ЛЕГЕНТОВ.

«Без хлеба не сытно, а без соли не сладко», «Без соли и хлеб не естся», — говорят стародавние русские пословицы.

Соль необходима всему живому на Земле и ничем не может быть заменена.

Соль способствует пищеварению, образует желчь, находится в крови и костях человека. Соль придает вкус любой пище, помогает сохранять годами такие продукты, как мясо, рыба, масло, икра, консервы, и многое другое.

Подсчитано, что все население земного шара ежегодно употребляет в пищу около 15 миллионов тонн соли.

Но ведь соль идет не только в пищу. Она нужна всему народному хозяйству, всем отраслям промышленности. Без нее не обходится современная химия. Соль входит в состав удобрений, участвует в производстве соляной кислоты, соды, искусственных драгоценных камней. Металлургам она нужна для выплавки чугуна и стали, кожевникам — при выделке кож, текстильщикам — для изготовления тканей. Она присутствует в строительных материалах, входит в состав мыла, стиральных порошков, многих лекарств. И даже бумагу, на которой печатается этот журнал, нельзя было бы сделать без соли.

В недрах и на поверхности земли соли хватает для удовлетворения всех потребностей. Однако ее нелегко добыть. Соль проходит долгий и многотрудный путь, прежде чем попадает в виде белоснежного порошка в солонку, на наш обеденный стол.

Соль сперва добывают, потом выжимают из нее влагу, очищают от примесей, перемалывают, просеивают, упакуют... Не зря до революции добыча соли называлась не иначе, как «соляной каторгой». Старейшую русскую «солонку», озеро Баскунчак, расположенное в Поволжье, и в самом деле превратили тогда в каторгу для непокорных и беглых крестьян. Добытчику, ломщику, грузчику «соляныча» — солевозного судна — жилось тяжело. Пешня, лом, лопата и тачка — вот и все, чем располагал добытчик. Он слеп от соляной пыли. Его ноги и руки покрывали язвы, которые никогда не заживали.

На подземной добыче в соляных коях Донбасса рабочие по месяцу и больше не выходили на поверхность из белого соляного подземелья, молотами отбивая крепкие, неподатливые глыбы каменной соли!

Теперь и следа не осталось от старых способов добычи и переработки соли.

...Огромная чаша овального четырехугольника. Зимой она синевато-стальная, а летом ослепительно сверкающая под солнечными лучами. Таково озеро Баскунчак. Оно занимает огромную площадь — в 100 квадратных километров. Большие серебряные клетки соляных пластов перемежаются на нем с темными выломами, заполненными рапой — пресыщенным соляным раствором.

Как же добывается из озера соль? Еще в годы первой пятилетки инженер Ю. А. Макаров сконструировал соляной комбайн. Механизмы не только заменили руки до-

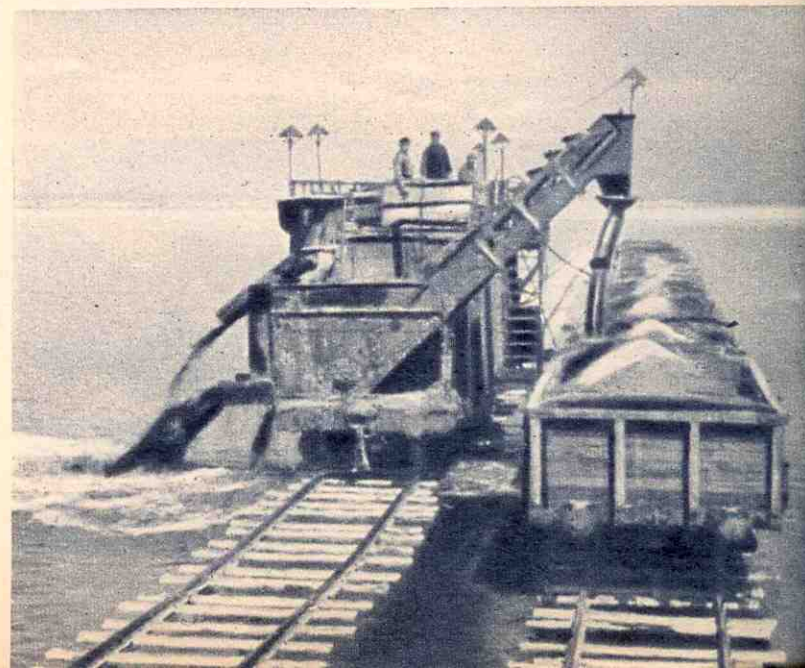
бытчика, грузчика, тачечника, но и оказались гораздо расторопнее, производительнее.

Соляной комбайн — это большой четырехосный вагон, внутри которого установлен мощный дизель в 100 лошадиных сил. Он приводит в движение и вагон, движущийся по рельсам, и находящиеся внутри его насос и лебедку, и выходящие наружу ворошитель и ковшовый элеватор. Комбайн идет вдоль вылома со скоростью 2 метра в минуту. Ворошитель комбайна — вращающаяся фреза — уходит до 10 метров в глубину вылома, рыхлит соляной пласт, ворошит рапу и при помощи насоса, как земснаряд, засасывает ее по трубе внутрь комбайна, в специальный солеприемник.

В приемнике соль очищается, проходит промывку. Затем ее зачерпывают ковши элеватора и уносят вверх сквозь крышу вагона. Соль словно поднимается по наклонной лестнице, а над ней из брызгал струится вода. Вода стекает сквозь отверстия в ковшах, а чистая соль опрокидывается из ковшей в жерло конусообразной трубы, откуда попадает в стоящую под элеватором железнодорожную гондолу.

Комбайн обслуживают только два человека — машинист и помощник. Они следят за действием механизмов, регулируют скорости в зависимости от того, с какой глубины добывается рапа. Третий человек находится не в комбайне, а в специальной будке на его крыше. Это трубоч. Поворотом штурвала он направляет хобот трубы, из которой сыплется соль в гондолу. Он следит, чтобы соль равномерно заполняла всю гондолу и своевременно по особому сигналу была подставлена следующая.

150 тонн соли в час дает комбайн; 6 агрегатов успевают добыть за день около 14 тысяч тонн соли. Огромное «белое поле» — Баскунчак, — распростертое на десятки километров, «убирается» всего лишь 6 агрегатами. Ежегодно они снимают «урожай» в 2 миллиона тонн соли.

Мощный солесос на Таволжанском соляном промысле (Казахская ССР).

Комбайн достает рапу с десятиметровой глубины. И, несмотря на это, вылом успевает зарости за каких-нибудь 10—15 лет. Снова по нему стелется рельсовый путь. Снова появляются комбайн и грузовые составы. И все это выдерживает свежий пласт, настолько прочен.

Что же дальше? Мчатся составы с соляным грузом на Владимирскую пристань на Волге, к пяти специально оборудованным причалам. Гондола опрокидывает содержимое в подземный бункер. Оттуда транспортеры поднимают соль на мельницу, к дробилке. После первого помола производится второй, более тщательный, на валковых станках. Но и это еще не все. Соляная мука, как и пшеничная, пропускается сквозь сита, сушится и по длинной сети транспортеров уносится с мельницы прямо в трюмы солевых барж.

По обе стороны Волги расходуется баскунчакская соль. Посмотрим теперь, как же донецкие шахтеры добывают глубоко под землей каменную соль и поднимают ее на-гора. Вспоминаются страшные картины старых соляных копей. Слепнущие клячи с санками. Согбенные в три погибели коноганы, или, как их называли еще, саночки. Тусклый светильник едва мерцает, и лаву освещают лишь искры, которые сыплются под ударами молота по глыбам соли.

Сейчас даже название «соляные копи» исчезло, и его не услышишь в Артемовске, где расположены основные соляные шахты. Их всего пять. И каждая мало чем отличается от построенных по последнему слову техники современных угольных шахт.

Артемовское соляное месторождение — одно из мощнейших в Европе. Ученые утверждают, что когда-то на месте соляных пластов были моря и водоемы. Прошли целые геологические эпохи, пока эти водные бассейны очутились под толщей новых напластований, высохли, оставив на дне своем горы соли. И вот сейчас непрерывно развивается ее добыча. Врубовые машины, точно такие же, как и для добычи угля, подрезают соляные пласты, потом пробиваются шурфы — глубокие отверстия, куда закладывается взрывчатка — аммонал, и взрывами обрушиваются целые каменные скалы.

На этом сходство с углем кончается. Соляные пласты отличаются от угольных и по цвету (белые, а не черные), и по крепости (во много раз крепче), и по толщине (соляной пласт гораздо толще угольного), и даже по занимаемой площади (один соляной пласт распространяется на несколько десятков квадратных километров). Вот почему на соляной шахте не видно креплений, она тянется в длину на несколько километров, и внутри нее так просторно, что можно было бы смело построить в ней по крайней мере шестизэтажный дом. Шахта ярко освещена электрическими лампами. Провода подвешены без особых предосторожностей. Соль не уголь, она не загорится. Электровозы мчатся с нагруженными вагонетками, движение двухпутное, а штреки столь широки, что их можно сравнить разве только со столичными магистралями.

Соль прямо под землей дробят на мелкие куски — «дробленку». Она доставляется в подъемнике — скипе — на поверхность, в цеха обогатительной фабрики.

Здесь соль тщательно очищается и сушится, размалывается, а иногда и обогащается: в нее добавляют илиод (25 граммов на тонну), или витамин «С». Иодистую соль полезно употреблять в пищу больным базедовой болез-

Только одна Артемовская шахта № 3 имени Карла Либкнехта может давать свыше полумиллиона тонн соли в год.

Состав с измельченной солью на пути в цех расфасовки.

нию и пожилым людям. Витаминизированная соль идет в северные районы, за Полярный круг. Здесь же, на фабрике, специальные аппараты улавливают соляную пыль, передают ее на прессы, превращают в брикеты — «лизунец» для скота.

Шахты Артемовска дают до миллиона тонн соли в год. Но есть и третий способ добычи соли — выварочный. С ним можно познакомиться в Сибири, в 80 километрах от Иркутска, в тех самых таежных местах на берегу Ангары, где сосланные декабристы, закованные в кандалы, кирками грызли неподатливый солончаковый грунт, рыли глубокие и узкие норы — скважины, ставили колодцы, которые заполнялись соляным раствором из подземных источников.

Так и прозван выросший здесь город Усольем. Вблизи него на острове был построен завод с несколькими котлами — чренами. Поморское слово «чрен» означает «черный». На заводе вываривали соль «по-черному», то есть жгли под котлами дрова или уголь до тех пор, пока не испарится вода, а кристаллы соли не осядут на дно чрена. Крестовинами — скребками — выгребали соль на колпак, подсушивали и на тачках увозили в склад.

По плану шестой пятилетки, на острове Выварочном строится большой завод, оснащенный современной техникой. Первая очередь этой крупной сибирской новостройки только с месяцем назад введена в строй.

Для Сибири соль особенно важна — ее привозили до сих пор за тысячи километров, из Павлодара и других мест. Сейчас сибиряки получают превосходную сибирскую соль.

Что же это за способ — выварочный? Он дает самую чистую соль и вот каким образом. Рядом с многоэтажными корпусами и высокими бетонными башнями находятся разбросанные по острову вышки, внешне похожие на нефтяные. Буровые скважины уходят вглубь земли до полутора километров. Туда же опускаются трубы. В них нагнетается вода из Ангары. Она размывает глубинные пласты и вымывает соль. Получается рассол — в одном литре содержится до 300 граммов соли.

Мощные насосы выкачивают рассол по другим трубам и подают в башни рассолоборников. Здесь начинается тщательная химическая очистка соли. Сперва из нее удаляются примеси магния, затем горьковатый на вкус кальций. Рассол фильтруют, осветляют, отправляют на выварку. Специальные кипяtilьные камеры при помощи пара высокого давления делают то, что раньше производили в примитивных чренах. Наконец, центрифуги, делающие 960 оборотов в минуту, словно выветривают соль, освобождая ее от влаги. А нагретый воздух в особых барабанах окончательно ее высушивает.

В приготовленной таким образом выварочной соли в десять раз меньше примесей, чем в озерной или каменной соли.

В шестую пятилетку появятся новые, совершенные заводы не только в Сибири, но и на Волге, в Армении, на Урале, в Белоруссии.

Л. ДАВИДОВ

СЧАСТЬЕ БОЛЬШОЙ СЕМЬИ

зал он.— Пусть эта земля, море и этот дом станут родными для вас навсегда!

Да, навсегда! Именно с этой мыслью вернулась на родину из Италии вместе со своим мужем и детьми Ирена Мильоре после долгих лет скитаний.

...Это случилось давно. В начале Великой Отечественной войны.

На рассвете маленький латгальский хутор близ Краславы огласился воплями женщин и детей. В этот день немецкие власти угоняли в фашистскую Германию очередную партию рабов.

Вместе с другими немцы увезли из Краславы и двух дочерей крестьянина Арефия Никифорова — четырнадцатилетнюю Марию и шестнадцатилетнюю Ирену.

В провинции Регенвалде так же, как и на родине Ирены, по утрам вставало яркое солнце. Казалось, оно так же щедро согревает землю своим живительным теплом; так же весело щебетали птицы в кустах шиповника и так же пряно пахла мята на лугах, но все это не радовало теперь Ирену.

Тоска по родине! Ее, пожалуй, ни с чем не сравнить. Это особая боль. И как ни старалась Ирена ее приглушить, ничего не могла с собой сделать. Днем еще сдерживала себя, работая на ферме Отто Болман, но ночью, уткнувшись лицом в подушку, Ирена давала волю слезам. Так тянулись дни, на-

ПЕРВОЕ, что слышишь, подходя к новому двухэтажному дому, что стоит за живой изгородью деревьев, — это бойкую итальянскую речь. Странно звучит она здесь, в рыбацьем поселке на берегу Балтики, где искони все говорят только на родном латышском языке.

Однако местные рыбаки успели уже привыкнуть к семье Мильоре из города Мандрагоне и сами охотно повторяют нараспев незнакомые итальянские слова.

Ирена Мильоре, совсем еще молодая женщина, встретила нас на пороге дома и радушно пригласила познакомиться со своей большой семьей. У Ирены Мильоре шестеро детей. Старшие, близнецы Орест и Антонио, — первые помощники в доме: им обоим недавно исполнилось по 9 лет. Затем следует семилетний Марио, пятилетний Джино, двухлетний Алдо и восьмимесячная Зоя. Она родилась уже не в Италии, а в Советском Союзе.

Дети у Ирены Мильоре веселые и здоровые. У ребят появилось уже много новых друзей: это Арвид, Гунар, Анна — дети местных рыбаков. Впрочем, не только дети, а все члены рыболовецкой артели имени 9 Мая радушно и сердечно встретили семью репатриантов из Италии.

Правление колхоза выделило семье Джiovани Мильоре в новом доме уютную, со всеми удобствами квартиру. Позаботилось правление и о том, чтобы обставить ее. Были куплены красивые кровати для детей, широкая тахта, круглый стол, буфет, стулья.

По старинному обычаю, председатель рыболовецкого колхоза Янсон встретил новоселов у порога нового жилища с хлебом и солью.

— Мы рады принять вас, дорогие друзья, — ска-

Марио и Джино играют со своей маленькой сестрой Зоей (фото сверху).

Ирена Мильоре с сыном Алдо. →

Фото А. Ильины.

полненные трудом и рабским послушанием. С сестрой Ирена теперь не виделась: фермеры запретили сестрам встречаться. Но вот под сокрушительным ударом советских войск пала фашистская Германия. Весть о победе разнеслась по всему миру. «Наконец-то я смогу вернуться на родину», — думала Ирена, стараясь пробраться в расположение советских войск. Однако сделать это ей не удалось: она попала в американскую зону и была помещена в лагерь для перемещенных лиц. Здесь, в лагере Люнабурга, она встретила своего будущего мужа Джiovани Мильоре.

Это был невысокого роста, коренастый, смуглолицый юноша. Джiovани начал войну партизаном в горах Мандрагонии, а кончил ее за колючей проволокой лагеря для военнопленных. Трудно сказать, что именно сблизило Джiovани со светловолосой девушкой из Латвии. Ее ли голубые глаза, напоминавшие Джiovани цвет его родного Неаполитанского залива, или же то, что они оба были здесь вдали от родины, на чужбине. Как бы там ни было, а все было решено: они поженятся и уедут на родину Ирены — в Советский Союз.

Однако мечте не суждено было сбыться. Американские власти распорядились по-иному: Джiovани Мильоре и его молодую жену отправили по месту жительства мужа в городок Мандрагоне, близ Неаполя. Скуп и печален был рассказ Джiovани, который Ирена услышала по дороге в Италию. Пусть знает Ирена, говорил Джiovани: ее муж — бедняк, и все, чем владеет он, — это умение ловить рыбу и чинить сети. Однако лодки у него своей нет, и поэтому дед его, отец и он сам нанимают ее на паях. Семья у них большая. Отец-рыбак Орест Мильоре, мать Мария Помпея и с ними пять дочерей: Амалия, Ита, Асунца, Пасквалина и Джульетта. Дочери — несчастье в семье бедного итальянца. Для того, чтобы их выдать замуж, нужно приданое, а где его взять, если еле-еле хватает на хлеб?

— Очень плохо, если у нас с тобой будут дочери, — печально закончил свой рассказ Джiovани.

Но его опасениям не суждено было сбыться. Первыми на свет в молодой семье появились сыновья Орест и Антонио.

Однако от этого жить не стало легче. Изменчиво призрачное рыбацкое счастье. Редко-редко удавалось привезти на берег богатый улов. Да и с тем порой Джiovани не знал, что делать. Кто же купит дорого рыбу в период путины?

Еще хуже приходилось семье рыбака в зимнее время. Море волновалось, бушевало, грозно бились о берег разъяренные волны, нечего было и думать в такие дни ехать на маленькой лодке за рыбой. «Но если дома есть дети, то голод научит презирать страх и холод», — думал Джiovани.

Однажды он сказал жене:

— Приготовь мне старую одежду.

— Зачем? — не поняла Ирена.

— Пойду ловить устриц.

Устриц любят богатые итальянцы, их охотно покупают и американцы. Но с каким трудом они добываются!

Ледяная вода точно острыми иголками колола все тело. Казалось, еще минута, и кровь застынет в жилах, но Джiovани старался не думать об этом. Он знал только одно: пусть это стоит ему жизни,

но он не имеет права придти домой с пустыми руками.

Он принес устриц и, посинев от холода, дрожа всем телом, долго сидел возле потухшего очага. А Ирена выходила на улицу и говорила:

— Посмотрите, синьор, какие чудесные устрицы! — И голос ее срывался и дрожал. Она знала теперь: сколько бы ни дали ей лир за эти устрицы, они никогда не оплатят их настоящую стоимость!

Так в повседневных заботах о куске хлеба шли годы. Все чаще и чаще думали коммунист Джiovани Мильоре и его жена Ирена о том, чтобы уехать с детьми в Советский Союз. И вот наконец долголетние хлопоты увенчались успехом. После многих лет разлуки Ирена снова на родине!

Сколько радостных планов в семье члена рыболовецкой артели Джiovани Мильоре!

Дети пойдут учиться: Орест и Антонио во второй класс, а Марио в первый. Хорошо, что у сыновей Джiovани Мильоре будет совсем иное детство, не похожее на то, что выпало на его долю.

Джiovани гордится тем, что он работает теперь на отличном рыболовецком тральщике. В какое сравнение может идти его прежняя, видавшая виды лодка с этим первоклассным судном! Посмотрел бы отец, старый рыбак Орест Мильоре, где работает его сын!

А какие уловы у местных рыбаков! Их измеряют тоннами, а не килограммами, как делал это всегда его отец. Джiovани рассказывали, что в прошлом году рыбаки этого судна заработали 171 тысячу 968 рублей, это значит, в среднем каждый получал в месяц 2 900 рублей. О таких заработках Джiovани не смел и мечтать.

Но дело не только в хороших доходах. Главное в том, что он сейчас трудится в коллективе. Нет больше рыбака Джiovани Мильоре на утлой лодке, арендованной у хозяина на паях, а есть Джiovани Мильоре, член рыболовецкой артели с девятимиллионным доходом, артели, которая в прошлом году получила диплом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Есть свои радости и у Ирены. Недавно ей вручили денежное пособие на шестерых детей и торжественно наградили медалью материнства.

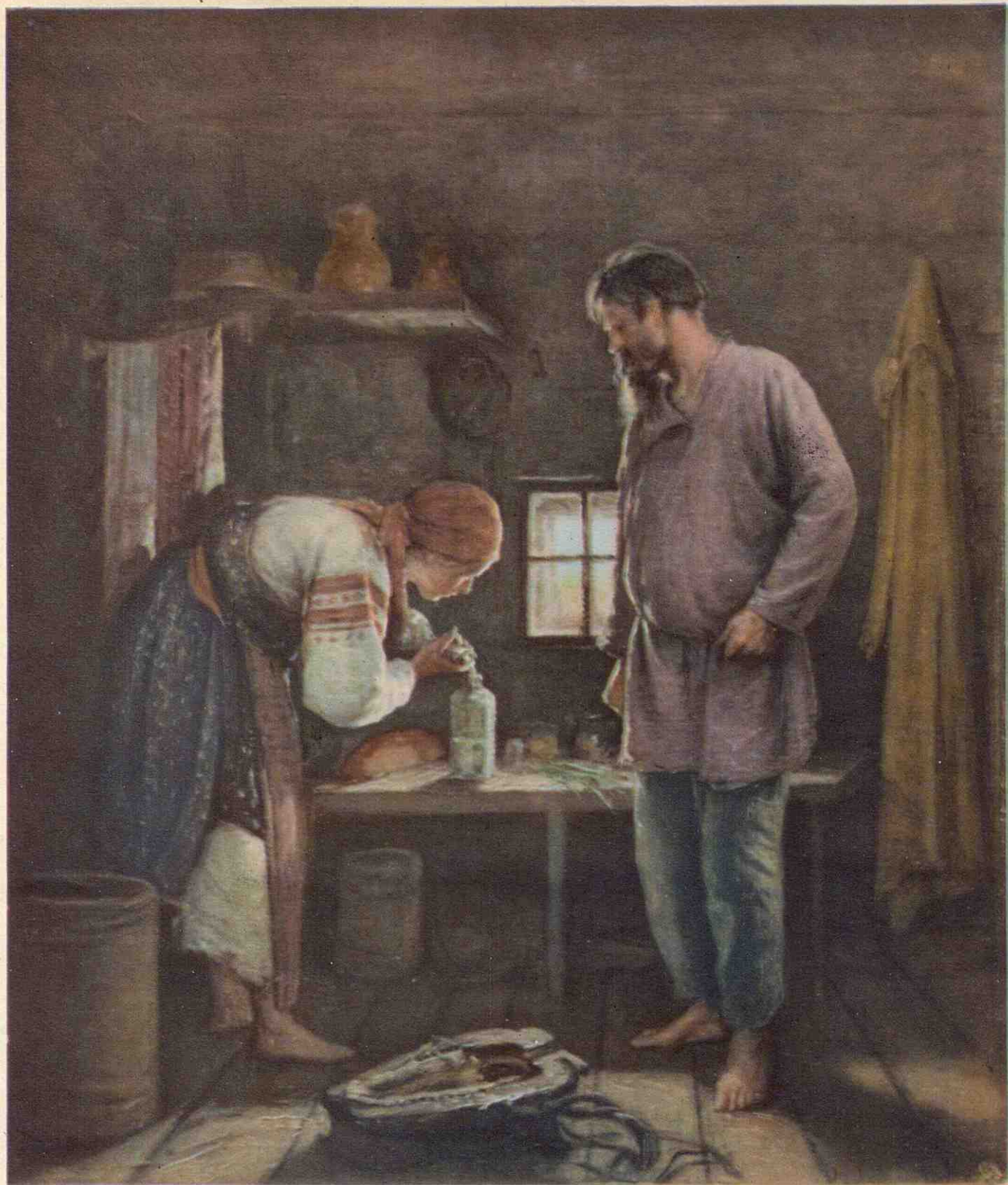
Маленькая позолоченная медаль с голубой эмалевой ленточкой, как много она говорит женщине-матери!

— На днях, — рассказывает Ирена, — к нам в гости зашли члены правления и передали мне большой сверток. Я развернула, в нем оказалось шесть метров отличного сукна. «Это подарок вашим сыновьям, сшейте ребятам школьные костюмы», — сказал мне председатель артели тов. Янсон. Я растерялась и забыла даже поблагодарить его. Видите ли, я не привыкла к такой заботе. О моих детях никогда никто не тревожился, — договорила Ирена Мильоре.

Не трудно было понять ее. Очевидно, счастье, как и горе, ошеломляет людей, и к нему также надо привыкнуть, подумала я, прощаясь с этой семьей.

Р. РОЗОВА

Рыболовецкий колхоз имени 9 Мая,
поселок Мангали, Латвийская ССР.

ПЬЯНИЦА.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Е. Архипов.

Картина «Пьяница» написана в 1883 году известным русским художником А. Е. Архиповым (1862—1930 годы). Сын крестьянина Рязанской губернии, А. Е. Архипов хорошо знал и правдиво изображал жизнь дореволюционной деревни. О тяжелом труде, беспросветной нищете простого народа говорят его картины «Прачка», «Поденщицы на чугунолитейном заводе» и др.

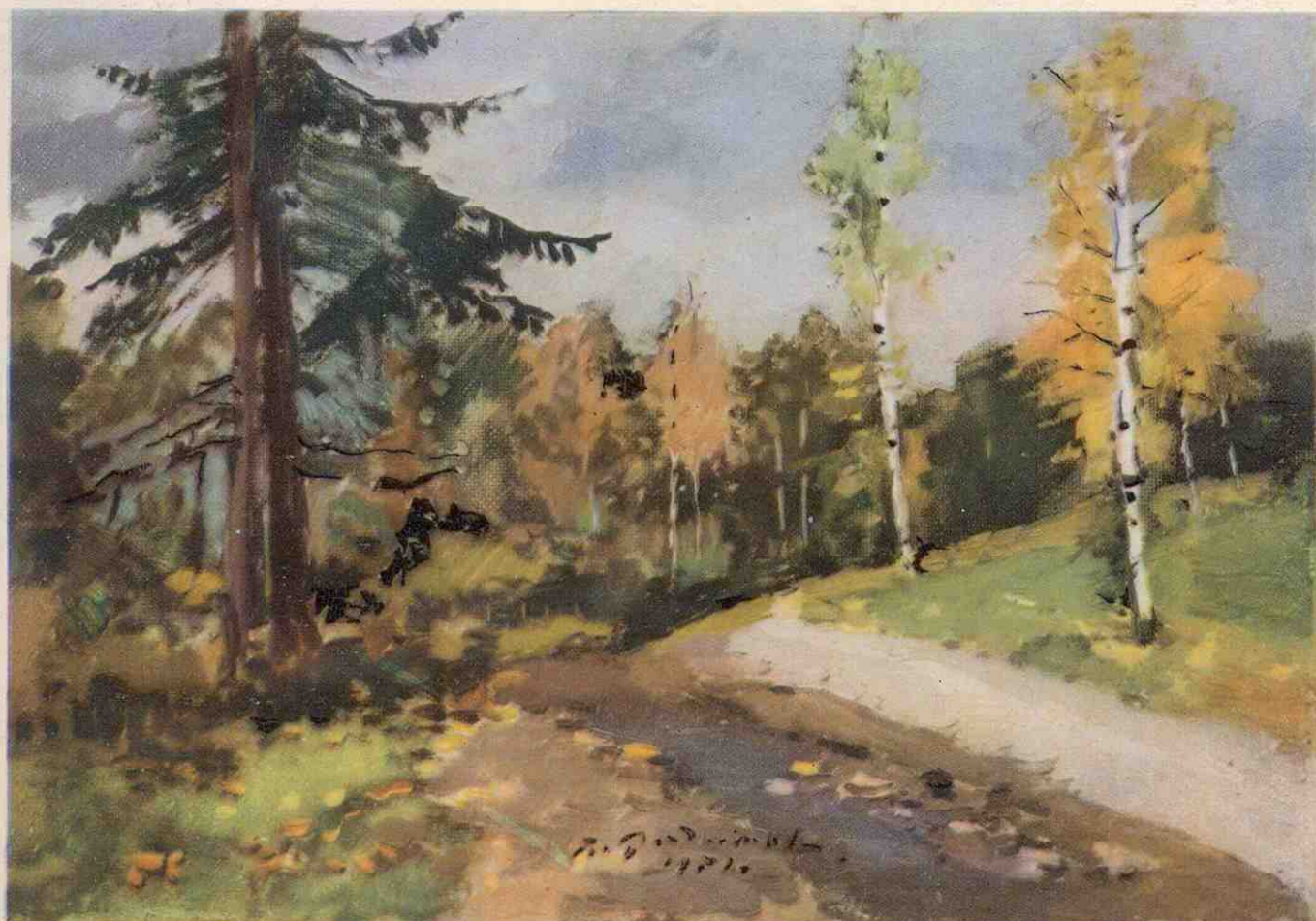
Видное место среди произведений А. Е. Архипова занимает и картина «Пьяница».

Темная изба деревенской шинкарки. На полу лежит хомут, который принес шинкарке оборванный, босой крестьянин. Не отрывая глаз, смотрит он на женщину, наливающую из бутылки водку. В вине он хочет забыться от своей полуголодной, нищей жизни.

ПЕЙЗАЖИ ПОДМОСКОВЬЯ.

П. А. Радимов.

Выставка в колхозе

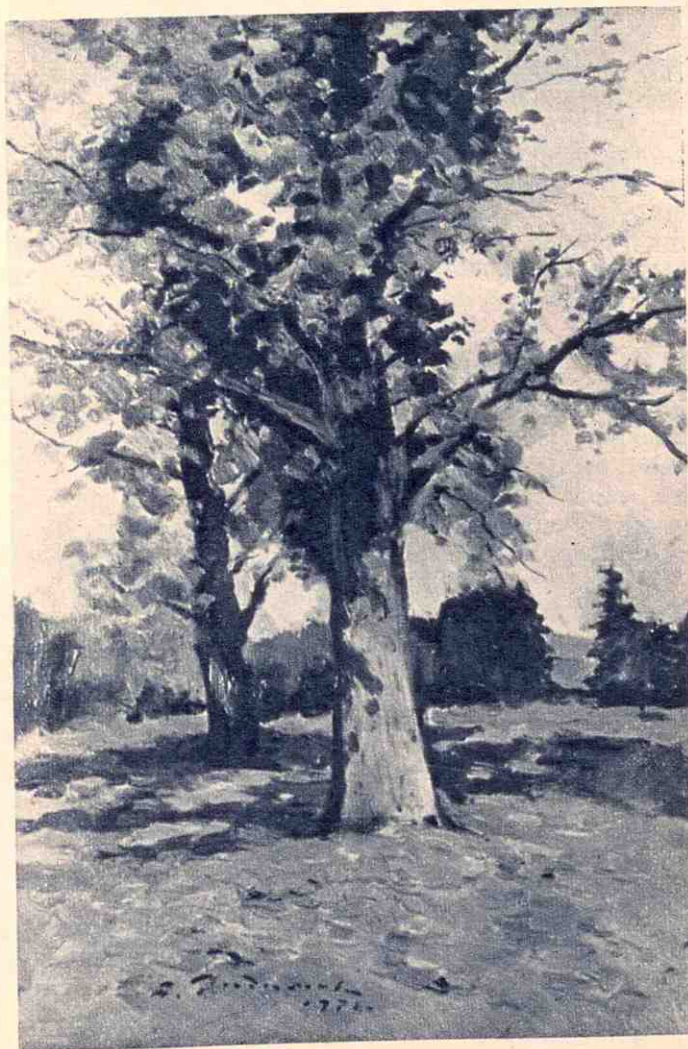
НЕДАЛЕКО от старинного русского города Коломны, в колхозе имени Ворошилова, открылась выставка работ старейшего русского художника Павла Александровича Радимова.

Творческий путь художника начался еще до Октябрьской революции. Павел Александрович Радимов был самым молодым среди передовой группы русских художников, известных под именем передвижников, которые несли свое искусство в народ, черпали сюжеты своих произведений из самой гущи народной жизни.

На всю жизнь П. А. Радимов остался верен заветам таких больших мастеров, как Репин, Саврасов, Шишкин, Левитан, Поленов. Его картины просты и доходчивы. Горячей любовью к русской природе дышат проникновенные пейзажи художника.

Во многих работах Радимова запечатлены памятники русской старины, дореволюционный быт старой деревни.

А рядом, на полотнах, написанных уже после Октября, иная жизнь. Вот Ильич бросает в притих-

ДУБКИ. С этюда П. А. Радимова.

П. А. Радимов с колхозниками сельхозартели имени Ворошилова.

Фото Г. Дубинского.

ший зал горячее слово о задачах Советской власти. Далее мы видим шахты Мосбасса, палатку геологов в Туркмении, величественные силуэты подъемных кранов в Южном порту, родные поля Подмосковья, прорезанные линиями высоковольтных передач...

А вот что-то очень знакомое ворошиловцам: белая силосная башня, гараж, а вдали яркозеленое поле. Все залито горячим солнечным светом. Колхозники узнают дорогу на животноводческую ферму колхоза.

Подолгу задерживаются посетители выставки возле картин, написанных художником в Узбекистане, Туркмении, Поволжье.

Жизнь и быт народов нашей страны очень интересуют колхозников. Вот девушка-узбечка в ярком национальном костюме. Своеобразная красота узбечки и обаяние молодости тонко переданы художником. Картина называется «Хивинская невеста».

Выставка произведений П. А. Радимова вызвала живой интерес колхозников.

К. СОКОЛОВА

ТРЕТЬЯ

— Вот такую тыву мы вырастили! — с гордостью говорит звеньевая Альбина Свистова.

ХАРЬКОВСКИЙ школьник Валерий Тепляков, как всегда, поехал на лето к бабушке, в Старую Тойду. Где-где, а в Старой Тойде не соскучишься. Хочешь — отправляйся на реку купаться, рыбу ловить, хочешь — иди в лес. И друзья-приятели, должно быть, давно ждут Валерия.

Приехал, сразу наведалься к одному, другому, третьему, но дома никого не застал. Где? Ищи, парень, на лугу.

И Валерий отправился на луг. Чем это, интересно, занимаются там ребята?

То, что он увидел на лугу, вызвало в его сердце чувство, похожее на зависть. Подумать только, Анатолий Спорыхин, Коля Милованов, Миша Кузнецов восседают на конных граблях. А кое-кто из ребят и на сенокосилке орудует.

Валерий поровнялся с Анатолием. Тот кивнул, словно вчера виделись:

— Здравствуй.

— Здравствуй... Толь, дай и я немного поезжу.

— Ишь ты! Так я и доверю в любые руки лошадей и технику.

— А тебе ж доверили?

— В бригаде знают, кому что поручать.

— В какой бригаде?

— Да в нашей, в третьей полеводческой.

Оказалось, что третья бригада состоит из одних школьников. И бригадир, и помощник бригадира, и учетчик, и звеньевые — все школьники. И в прошлые годы ребята помогали колхозу, но, понятно, своя собственная бригада — это куда интереснее.

— Нам и трудовые книжки выдали.

— И трудодни записывают?

— Само собой. Кто сколько выработает.

— Сочиняешь... Бригада, трудовые книжки...

— Сочиняю? Да о нашей бригаде уже и в Анне знают и в самом Воронеже...

— Может, скажешь, и в самой Москве?

— За Москву не скажу.
— Толь, а если и я попрошусь к вам в бригаду?

— Не знаю. Славку из Воронежа и другого Славку, что из-под Москвы, тех приняли. Поговори с бригадиром.

И Валерий пошел искать бригадира.

Валя Коновалова, светловолосая, высокая не по летам девушка, показалась Валерию очень строгой. Прежде всего, если у него, у Валерия, есть какие-нибудь переэкзаменовки на осень, то пусть

он выкинет из головы всякие мысли о бригаде. Затем, если он, Валерий, думает, что работа в бригаде — это так себе, сегодня выйду в поле, завтра гуляю, то пусть он сразу усвоит, что у них нарушителей дисциплины не жалуют. Понятно?

— Понятно, — ответил Валерий, косо поглядывая на работавших неподалеку девушек, должно быть, старшекласниц. — А на косилке можно будет поработать?

— Косить уже кончаем. Давай на конные грабли. Скажешь Толе Спорыхину — он устроит.

Валерий помчался назад, к приятелю.

Конечно, без бабкиных охов-вздохов не обошлось. Как это, приехал мальчик отдыхать, поправляться, а тут — на тебе — на работу! Но бабушка в глубине души была рада, что тойдинские ребята и Валерку приохотили к своему делу. Кто его знает, может, он сюда и вернется, как вырастет. И то сказать, сколько перемен в Старой Тойде! В домах электричество, радио. Придешь на фермы: тут тебе и подвесная дорога, и автопоилки, да еще и дойку электрическую заводят. Ну, а самое главное — теперь у людей достаток. В этом году, говорят, на трудодень по восемь, а то и десять рублей придется, да хлеба килограмма по полтора, да иной всячины порядочно; свекловоды — те мешками сахар получают. В гору пошел колхоз!

— Так ты, бабушка, буди меня завтра пораньше, — напомнил Валерий, укладываясь спать. — А то в бригаде нарушителей дисциплины не очень-то жалуют.

Ранним утром Валерий отправился к месту сбора бригады, к правлению колхоза. Думал, придет первым, а встретили его шум и гам. Но вот показался на крыльце рослый человек в синем плаще, приложил ко рту руку рупором, крикнул:

— Здравствуйте, честной народ! — и ребята мигом окружили его.

— Товарищ председатель колхоза, все пятьдесят

ПОЛЕВОДЧЕСКАЯ

членов третьей полеводческой в сборе,— доложила Валя Коновалова и прибавила уже иным тоном, опустив нижнюю губу: — А что же это такое, Павел Кириллович, машины опять нет?

— А то, что и восьми еще нет. Вольно было вам приходиться спозаранок... Погоди-ка, это кто же такой незнакомый?

— Этот? Харьковский один парнишка. Валерий Тепляков. Он здесь у родичей гостит.

— И тоже в бригаду?

— А куда же ему еще? — удивилась Валя. — Да вы не сомневайтесь, Павел Кириллович. Он, знаете, как будет работать!

Валерий зарделся от смущения. Попробуй, пойми этих девчат. Вчера какой строгой была, а сегодня самому председателю колхоза, товарищу Гречишникову, расхвалила.

— Раз так, милости просим, Валерий. А вот и ваша машина, ребята.

...Валя работала, каждый раз оглядываясь на подруг, все ли у них ладно: валки должны быть аккуратными, один в один. Серьезное это дело — быть бригадиром. Ведь отвечаешь не только за себя, а и за ребят и за колхозное добро. Но, кажется, все хорошо. И на прополке ребята не подкачали, и с сеном управляемся в срок, и кукуруза у нас — загляденье, своя, гибридная, на пришкольном участке вывели. И картошки непременно получим по сто двадцать центнеров с гектара, а ведь картошки в нашем колхозе всегда мало собирали.

В полдень наведались к косарям Василий Иванович Провоторов, секретарь колхозной парторганизации, и Владимир Михайлович Петров, директор средней школы в Старой Тойде.

Владимир Михайлович подошел к Вале.

Бригадир Валя Коновалова.

— Не забыла ли, товарищ бригадир, что надо и о перерыве распорядиться?

— Да мы и не устали еще, Владимир Михайлович. Правда, девочки, не устали?

Девочки подтвердили: нисколючко.

— Нет уж, пора отдыхать!

Все вместе пошли к речке, долго с наслаждением плавали, плескались (Владимиру Михайловичу опять пришлось вмешаться: «Хватит, ребята, выбирайтесь из воды!»). Потом расположились обедать на привяленном душистом сене. Толя Свистов подсел к Валерию:

— А что, ваш Харьков — красивый город?

— Красивый, — ответил Валерий, жуя пирог.

— А по мне красивее нашей Тойды на всем свете нет, — мечтательно протянула Рая Лобова. — Ни на что не сменяю ее.

— И я из Тойды никуда, — сказал Сергей Гуляев. — Буду комбайнером, как батька. Вот получить бы мне самоходочку!

— Ты бери себе самоходку, а я, так и быть, трактором обойдусь, — заявил Александр Кузнецов.

— Кончите школу — будут вам и тракторы, и самоходки, и даже пятитонные «ЗИСы», — заметил, смеясь, Петров. — А сейчас есть у меня для вас одна новость: через два дня начнем уборку хлебов. Будете обслуживать комбайновые агрегаты, работать у сортировок, возить хлеб.

Есть что показать третьей полеводческой бригаде на школьной выставке.

Неправда,

Снова прикатил грузовик, и желтая тяжелая струя потекла из бункера комбайна в объемистый кузов автомашины. Валя выпрямилась, спрятала под косынку влажную прядку волос:

— Ох, жарко, девочки!

С каким удовольствием все три девушки, работающие на комбайне: и Валя, и Нина Швырева, и Рая Гуляева,— сейчас бы окунулись в студеную воду. Все лето солнце не очень-то баловало, зато под конец августа разгулялось сверх меры.

— Все! Кончили последний заход! — крикнул комбайнер.

Тракторист подрулил к вагончику полевого стана. Девушки сошли с комбайна. Откуда-то появился на своей «Победе» председатель колхоза.

— Как работалось, бригадир?

— Сегодня хорошо обошлось... Павел Кириллович, а вы на току были? Там у девчат все благополучно? А мальчики возят силос?

— Все хорошо. Рая Свистова с подружками не отходит от сортировки, звено Гали Ильницкой зерно сушит. И мальчики возят силос. В общем, на третью полеводческую нельзя пожаловаться. Да, не забыть бы. Есть у меня одно дельце к тебе. Впрочем, сейчас не скажу. Приходи вечером в правление — там потолкуем.

— Новое задание? — Валя вопросительно посмотрела на Павла Кирилловича. Тот улыбнулся.

— Пожалуй, что так.

Вечером Валя пришла в правление колхоза, заглянула в комнату председателя. Там был только один посетитель: Владимир Михайлович.

— Входи, Валя,— позвал Гречишников. Валя чинно, с достоинством вошла, поздоровалась, села на краешек стула.

— Вы говорили, Павел Кириллович, нам какое-то новое задание будет?

— Да, вот какое задание. Не сегодня-завтра начало школьных занятий. Так вот, все эти дни бригаде отдыхать. Отдых вполне заслуженный, если принять во внимание, что школьники провели прополку на трехстах восьмидесяти гектарах, скосили сено с двухсот десяти гектаров, обслуживали семь комбайновых агрегатов, отсортировали больше восьмисот центнеров зерна,— да всего и не припомнишь сразу. Ну, как, Валентина, нравится задание?

— Не знаю... Это что же, выходит, конец нашей бригаде, Павел Кириллович?

— Э, нет, я полагаю, только начало. Третьей бригаде жить да жить. И учти, дела ждут не только летом. Было бы желание — и зимой найдется чем помочь колхозу.

— Скажи ребятам, чтобы в пятницу пришли в школу узнать расписание уроков,— напомнил Владимир Михайлович.

Валя вышла на улицу. Село уже спало, лишь у клуба было шумно и весело. Ребята провожали Валерия.

— Ну, что, Валерий, и на тот год приедешь? — спросил кто-то.

— А как же,— ответил Валерий.— Еще, может, и товарища прихвачу.

Тамара КВИТКО
Фото Г. Дубинского.

ДНЕМ было легче. Сложная, ответственная работа медсестры отвлекала, заставляла Ольгу Александровну забывать о своем горе. Но наступала ночь, и молодая женщина снова и снова проводила ее без сна.

Вокруг все было привычным, прежним. Уютная, заботливо прибранная комната, где каждый предмет, каждая мелочь любовно приобретались для долгой семейной жизни. В ночной тишине мирно тикают часы. На подушках в сладком сне покоятся две детские головки... Сын и дочь. Пятилетний Сережа и трехлетняя Валечка.

Еще совсем недавно Ольга Александровна была счастливой женой и матерью. Совсем недавно у безмятежно спящих детей был отец.

Что же произошло с отцом двух этих малышек?

Нет, с ним ничего не случилось. Дей Никифорович Кожакин жив, здоров и проживает в этом же селе Наумовке, Чапаевского района, Саратовской области. Он ходит по той же улице, по которой бегают его детишки.

Он просто не хочет их больше знать, как не хочет знать их матери.

— Ты сама виновата,— сказал кто-то Ольге Александровне.

Склонясь над детской кроваткой, Ольга Александровна — в который раз! — пытается понять: в чем же она виновата?

Они познакомились в городе Пугачеве, где Кожакин работал в газоразведке. Понравились друг другу. Общину оказались их взгляды, интересы, оба они были коммунистами.

Когда они решили соединить свои жизни, Дей Никифорович сказал:

— Я честный человек. Должен тебе признаться, что был женат. Но прожил с женой всего четыре месяца. Не сошлись характерами. Нет, нет,— поспешно добавил он, увидев в глазах Ольги смутнение,— детей у нас не было. Мы с ней ничем не связаны.

— Жена сама ушла от нашего сына,— подтвердили родители Дея Никифоровича,— жизнь ему разбила.

И Ольга Александровна успокоилась.

Но брак надо было оформить. А для этого Дею Никифоровичу был нужен развод с первой женой. Дей Никифорович помрачнел.

— Что с тобой? — с беспокойством спросила Ольга.

— Да видишь ли, за развод надо внести большую сумму, а у меня нет денег.

Не было такой суммы и у Ольги: она систематически помогала семье больного отца.

— Ну и подождите с разводом,— посоветовали родители Дея Никифоровича.— Обживетесь, поднакопите, тогда и похлопочете. А ты,— говорили они Ольге,— не сомневайся, наш сынок не такой, на кого нельзя положиться.

Эти простые, добрые люди говорили совершенно искренне. И Ольге Александровне тоже казалось: как можно не верить мужу! Они же любят друг друга!

И какое же это было счастливое время! Их ничто не огорчало. Нет стола, нет стульев — дело наживное! Пока можно приспособить ящики... Нет посуды — не беда. Из одного стакана чай вкуснее. Зато с какой радостью бежала Ольга с работы: у нее есть дом, милое сердцу гнездо, где ждет ее любимый человек, которому она, Ольга, нужна и который нужен ей.

у них есть отец!

Ольга работала тогда медсестрой в хирургической больнице, ее избрали секретарем партийной организации. Жизнь ее была полна, энергия была через край. Это она настояла, чтобы муж начал заниматься, повышать свою квалификацию, помогала ему. Скоро с четвертого разряда он перешел на шестой, а затем и на седьмой...

Неожиданно налетевшая тучка едва не омрачила безоблачной жизни Ольги. Пришел исполнительный лист от первой жены: алименты! Оказывается, она рассталась с Кожаккиным, будучи беременной, у нее родилась дочь.

Испугали Ольгу не алименты. Дети не должны страдать оттого, что их родители сходят с ума. Но неужели Дима солгал ей?

— Не знал, — просто сказал Дей Никифорович.

И жена снова поверила.

У Ольги Александровны тоже родился ребенок... Но он умер, ее первенец. Вскоре родился второй — Сереженька. Через два года родилась Валечка. Отец в них души не чаял...

А потом нагрянула беда. После долгих странствий они переехали в Наумовку. Дей Никифорович работал теперь уже буровым мастером Балаковской нефтеразведки. Семья жила в достатке. Одно плохо: Кожаккин начал пить. Ни просьбы, ни слезы Ольги Александровны не действовали. Нашлись у мастера друзья по чарочке, веселая компания для препровождения времени. Стал он пренебрегать работой, пропадать из дому. Скоро в селе открыто заговорили о связи Кожаккина с продавщицей сельпо Надеждой Вдовниной, у которой для дружка на любой час была припасена бутылочка.

Вмешалась общественность. Пробовали воздействовать на Вдовину, но ее пронять было трудно. А мастера вы-

звали на партбюро нефтеразведки, крепко поговорили. Он дал слово исправиться, обещал заботиться о детях.

Но через несколько дней, оставив на произвол судьбы Ольгу Александровну и двоих ребятшек, Кожаккин перешел к Вдовниной, заодно прихватив сбережения свои и жены — облигации займа.

Так не стало семьи, так не стало у детей отца, хотя он жив и здоров, ходит по той же улице, где ходят и они. Он не оправдывается. Он просто бьет козырем:

— Дети мои. Но ни платить на них, ни заботиться не обязан. Нет такого закона. Могу помогать добровольно, по желанию.

Но такого желания пока у Кожаккина не появляется. Ему не до того: он занят новой женитьбой.

Что Дею Кожаккину презрение окружающих! Что из того, что за аморальное поведение он снят с работы мастера, исключен из партии? Зелено вино залило и совесть его и стыд.

Перед нами письмо Ольги Александровны Мокшановой, написанное в одну из бессонных ее ночей.

«...Ну пусть я виновата, хотя, право, не знаю, в чем. Так уж пусть бы я одна страдала. Но за что должны страдать дети? Сережа скоро пойдет в школу, и там в документах запишут, что у него нет отца, что он сын матери-одиночки... Почему? Почему государство должно платить за распущенность и наглость бесчестных людей? За что мой сын обрекается на позор? За какую вину его лишают радостного, светлого детства?»

Ведь это неправда! Есть у Сережи отец!

Почему же этому отцу дано право прикрывать свою подлость законом?»

Т. НОВИКОВА

Гост

Алим КЕШОКОВ

В доме Анзора свадьба идет,
Дом веселится, гудит и поет.

Молодость снова коснулась седин —
Женится сын! Женится сын!

Выпито много бокалов уже.
Пой и пляши, сколь угодно душе!

Ходит старик, угощая гостей:
— Радуйтесь радости, гости, моей.

Просят сказать по обычаю гост.
Старый Анзор в выражениях прост:

— Чтобы начать по душам разговор,
Ну-ка, взгляните в окошко на двор.

Там три «Победы» сегодня стоят —
Стекла и ручки на солнце горят.

Рядом поставил арбу я вчера.
Стала она и дряхла и стара.

В этой арбе, как бесценный клад,
Жену я привез много лет назад.

А сын мой — пусть радость взлетает до звезд —
Милую в дом на «Победу» привез.

Как та арба не похожа ничуть
На эту «Победу», готовую в путь.

Так наша молодость прошлых дней —
На молодость наших детей.

Пью я и верю великой судьбе,
Верю, что прошлого дряхлой арбе

Нашу Победу, что создал народ,
Ей не догнать: мы умчимся вперед.

Перевел с кабардинского Д. СМЕРНОВ.

Изготовление торта производится в три приема: приготовление и выпечка теста; затем приготавливаются отделочные полуфабрикаты (кремы, помада, желе, цукаты и др.) и, наконец, окончательная отделка торта.

Для приготовления бисквитной лепешки надо взять 150 г пшеничной муки высшего сорта, 200 г сахарного песка, 50 г картофельного крахмала и 9 яиц.

Сначала в прохладной комнате сбиваются в кастрюле яйца с сахаром до тех пор, пока первоначальный объем не увеличится в 2,5—3 раза.

Готовая масса выливается в посуду большего размера, и в нее засыпается мука, смешанная с крахмалом, и венчиком быстро перемешивается до однородной массы движением снизу вверх.

Изготовленное бисквитное тесто нужно быстро переложить в форму или в противень, смазанные животным маслом или застеленные чистой белой бумагой.

Бисквитное тесто должно заполнять немного больше половины формы, чтобы при выпечке тесто, поднимаясь, не вышло за края.

Тесто в форме не должно долго стоять перед выпечкой, так как от длительного стояния оно оседает и делается плотным. Выпечка бисквита производится в печи при температуре 200—230°C в течение 20—30 минут. Если температура печи 160—170°C, продолжительность выпечки увеличивается до 40—50 минут.

НОВОГОДНИЙ ТОРТ

Готовность бисквита определяется по цвету корочки и упругости: при надавливании пальцем на сыром бисквите остается ямочка.

Готовый бисквит охлаждается до комнатной температуры, после чего он вынимается из формы, но бисквитная лепешка очищается от бумаги и пригорелых частиц только через сутки после выпечки.

Для приготовления крема берут 200 г сахарного песка, 250 г несоленого сливочного масла, $\frac{1}{2}$ стакана молока, 3 яйца, 2—3 столовые ложки белого десертного вина и по вкусу ванилин.

Сахар, молоко, яйца и растворенный в вине ванилин смешиваются.

Эту смесь при непрерывном взбивании венчиком нагревают на слабом огне до 45—55°C. Когда масса делается густой и пышной, ее снимают с плиты и охлаждают до 10°C. Затем охлажденную массу постепенно вливают в сливочное масло, растертое до густоты сметаны. После этого всю массу вновь сбивают, превращая ее в густой пышный крем. Перед отделкой торта крем надо еще раз слегка взбить венчиком.

Крем подкрашивается просеянным какао, которое добавляется в растопленное сливочное масло (из расчета 50 г какао на 80—100 г масла).

Вместо какао для окраски крема можно взять настой крепкого кофе или растворенный в горячей воде жженный сахар.

Для пропитывания бисквита изготавливают смесь из 100 г сахарного песка и 100 г кипяченой воды, в которую прибавляют по вкусу ванилин и 2—3 столовые ложки белого десертного вина.

Очищенный от бумаги и пригорелых частиц пласт бисквита тонким острым ножом разрезается на слои толщиной 1 $\frac{1}{2}$ —2 см. После этого поверхность нижнего бисквитного слоя равномерно

пропитывается сахарным сиропом, смазывается кремом и склеивается со вторым такой же толщины и формы бисквитным слоем, поверхность его также пропитывается сиропом и смазывается кремом, на который ножом наносят прямые или волнистые линии. Затем бока склеенных слоев выравниваются, смазываются слегка кремом и обсыплются бисквитными крошками, для приготовления которых обрезки бисквита мелко рубятся и подсушиваются в печи. Из обрезков бисквита можно сделать также ромбики, треугольники, которые смазываются повидлом, кремом и идут на украшение торта.

МОДЕЛИ ОБЩЕСОЮЗНОГО ДОМА МОДЕЛЕЙ ОДЕЖДЫ

Рис. 1. Костюм из шерстяной ткани. Короткий жакет, хорошо облегает фигуру. Юбка расклешенная, состоит из шести клиньев.

Рис. 2. Костюм из легкой шерстяной ткани. Короткий жакет застегивается на два ряда пуговиц. Спереди у жакета подкройные бочка, сзади по спинке шов. Воротник — «шалык». Юбка прямая.

Рис. 3. Прямая свободная куртка из цветного вельвета. Застежка на «молнии». Рукав втачной. Глубокие карманы заканчиваются клапанами.

Рис. 4. Платье из светлой шерстяной ткани. Вытачки на лифе, карманы и складки на юбке, пройма и шов рукава отделаны строчкой.

Теперь остается на поверхность торта нанести узор из крема. Для этого надо взять плотный лист пергаментной бумаги, вырезать треугольник и свернуть из него конверт.

Конец конвертика подрезают, он наполняется на $\frac{3}{4}$ кремом, при надавливании из тонкого его конца выжимается крем.

Из конвертика с кремом можно нанести на торт разнообразные рисунки и надписи. Если конец конвертика подрезать прямо, крем будет ложиться ровной прямой лентой. Чтобы сделать бордюр по краям торта, нужно конец конвертика срезать в косую. Для нанесения крема в виде розочки или других фигур

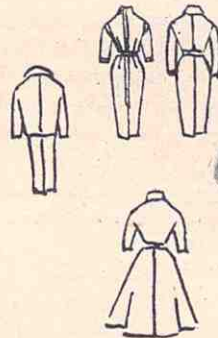

Рис. 5. Платье из плотной гладкой ткани. Верхняя полочка отрезного лифа выкраивается мысиком. Юбка прямая с внутренними карманами.

Рис. 6. Платье из хлопчатобумажной плетенки или шотландки. Большие накладные карманы и стойка воротника выполнены из ткани с косым расположением клеток. Юбка четырехшовная. Рукав цельнокроенный.

надо на конце конвертика надрезать зубцы.

Для украшения торта можно использовать любые ягоды и фрукты из варенья, которые надо слегка подсушить, мармелад, различные орехи — их надо мелко нарубить и поджарить на плите до золотистого цвета, — а также цукаты.

Для приготовления цукатов берутся груши или яблоки, режутся пополам, причем кожица не очищается. Разрезанные фрукты следует освободить от семенных гнезд; затем опустить в кипящую воду на 10—20 минут (в зависимости от зрелости и размера). После ошпаривания они охлаждаются в холодной воде, до варки их сохраняют в тазу, наполнен-

ном холодной водой. Затем нарезанные яблоки или груши в течение 10—15 минут варятся в сиропе (100 г сахара на 100 г воды). После варки фрукты в сиропе охлаждаются в течение 4—5 часов. Такая варка повторяется несколько раз. Этот метод предохраняет плоды от разваривания и способствует пропитыванию плодов сахарным сиропом.

После третьей и последующих варок плоды осторожно вынимаются из таза и раскладываются на решето или металлическую сетку, чтобы стек сироп, а фрукты слегка подсохли и охладились.

После третьей варки просахаренные плоды должны стать прозрачными. Две последние варки нужно производить

в более густом сиропе (150 г сахара на 50 г воды).

После последней варки на поверхности охлажденных и просушенных цукатов образуется плотная беловатая корочка. Цукаты следует хранить в картонных или деревянных ящичках, выложенных внутри пергаментной бумагой; каждый ряд уложенных цукатов также застилается бумагой.

Украшенный торт осторожно переключают на фанерный кружок, застланный бумагой.

Готовый торт выносят в сухое, холодное помещение, чтобы «окреп» крем.

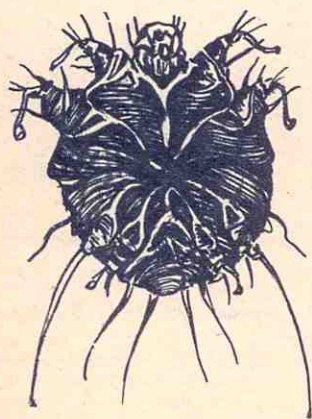
Кондитер П. ПАСТУХОВ

ЛЕЧЕНИЕ ЧЕСОТКИ

В. ЛАПТЕВ,
заслуженный врач РСФСР

Заболевание чесоткой у людей вызывается животным паразитом — чесоточным клещом (зуднем). Здоровый человек заражается от больного чесоткой, когда спит с ним в одной постели или через различные предметы: постельное белье, одежду, — реже в банях. Чесоточный клещ (оплодотворенная самка), попав на кожу человека, проникает в верхний слой ее (эпидермис) и параллельно поверхности кожи прокладывает ход, в котором откладывает свои яички. На коже человека самка может жить в течение 6—8 недель, вне кожи — 3—4 дня.

Большой частью чесоточный клещ поселяется в складках между пальцами рук, в областях лучезапястных сгибов, грудных желез, ягодиц, а у маленьких детей также на ладонях и подошвах. На коже заболевших чесоткой людей появляются серовато-грязноватые линии, чесоточные пузырьки или узелки. Высыпания сопровождаются сильным зудом, особенно в ночное время. Это объясняется тем, что чесоточный клещ прокладывает свои ходы в коже по ночам и раздражает нервные окончания. При запущенной чесотке могут иметь место и различные нарушения жизнедеятельности организма: нарушаются сон и аппетит, понижается трудоспособность, возникает общее недомогание.

Чесоточный клещ
(при сильном увеличении).

Чесотка может осложниться появлением на коже гнойничков (фурункулы и др.). Поэтому при подозрении на чесотку следует немедленно обратиться к врачу, желательнее по кожным болезням. При заболевании чесоткой одного из членов семьи нужно проверить состояние здоровья и всех остальных.

Для лечения чесотки предложено много средств. Наиболее широко применяется метод М. П. Демьяновича, который заключается в следующем. Наливается в тарелку 60-процентный раствор гипосульфита, раздетый доннагой больной (в теплой комнате) энергично втирает его руками в кожу всего тела (кроме головы) в течение 10 минут, по 2—3 минуты на руки, туловище, ягодицы, ноги. Когда тело обсохнет, этот же раствор повторно втирается в той же последовательности снова в течение 10 минут. После обсыхания втирается 6-процентный раствор соляной кислоты, который больной наливает на руки прямо из бутылки. Втирания раствора соляной кислоты повторяются после обсыхания тела еще 3 раза.

Следовательно, курс лечения чесотки состоит из двукратных энергичных втираний 60-процентного раствора гипосульфита и четырехкратных втираний 6-процентного раствора соляной кислоты. После лечения больной надевает чистое белье и платье, меняет постельное белье, а предметы, бывшие в употреблении, дезинфицируются: нательное белье и простыни кипятятся, верхняя одежда проглаживается горячим утюгом или выветривается в течение нескольких дней на воздухе. Обычно после такого лечения подавляющее большинство больных выздоравливает. В случае неуспеха лечение повторяют через 5—6 дней.

Нередко применяется для лечения чесотки вилькинсоновская мазь или 33-процентная серная мазь, которые 2 раза в день тщательно втираются в кожу (кроме головы) в течение 4—5 дней. На 2—3-й день после окончания втираний мази больной принимает ванну с мылом и также меняет белье, проводит дезинфекцию одежды, как указано выше. Лечение больных чесоткой детей (до 2 лет) лучше всего следует проводить 15-процентной серной мазью. Лечение чесотки, осложненной гнойничковыми высыпаниями, следует проводить после устранения осложнений.

Крестьянка

СОДЕРЖАНИЕ

- Двадцатилетие Конституции
В. Кривенченко — Высокое право
В. Ардатовский — Гневный голос народов
А. Елагина — Переписка друзей За годы народной власти
А. Храбровицкий — В. Г. Короленко
В. Г. Короленко — Приемыш. Рассказ
С. Снаткин, М. Ройтер — На стройках Сибири
П. Гамарра — Стена. Рассказ
Л. Давыдов — Соль
Р. Розова — Счастье большой семьи
К. Соколова — Выставка в колхозе
Т. Квитко — Третья полеводческая
Т. Новикова — Неправда, у них есть отец!
А. Кешоков — Тост. Стихи
П. Пастухов — Новогодний торт Моды
В. Лаптев — Лечение чесотки

ВКЛАДКИ:

- «Теодозия КОЗАК, звеньевая колхоза имени Кирова, Сколевского района, Дрогобычской области». Цветное фото Г. Дубинского.
«В ВОЛОСТНОМ ЗАГСЕ». С картины А. В. Моравова.
«ПЬЯНИЦА». С картины А. Е. Архипова.
«ПЕЙЗАЖИ ПОДМОСКОВЬЯ». С картин П. А. Радимова.

На первой странице обложки: «В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ». Счетовод совхоза «Зендиново» Мария Егоровна Паршутина навестила своих дочерей Надю и Галю в школе-интернате Каширского района, Московской области. Цветное фото Евгении Оцул.

На четвертой странице обложки: НОВОКУЗНЕЦКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ. Цветное фото А. Моклецова.

Оформление номера
Е. Комарова.

Технический редактор
Л. Новикова.

К этому номеру дается бесплатное приложение — «Рисунки, присланные читателями журнала».

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: М. О. ЕРЕМЕЕВА (заместитель главного редактора), И. А. КОБЧИКОВА, Л. Е. ПИШЕНИНА, Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН.

Адрес редакции: Москва, Д-47, Ленинградское шоссе, улица «Правды», 24.

№№ телефонов: Д 3-35-35, Д 3-39-48, Д 3-38-03.

А 13530. Подп. к печ. 22/ХІ 1956 г. Тираж 900 000 экз. Изд. № 1124. Заказ 3091. Формат бум. 60×92/8. 2,75 бум. л.—5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Горячие обещания и холодное общежитие

На МТФ № 1 колхоза имени Сталина (ст. Раевская, Краснодарского края) доярки с семьями живут в плохих условиях. В двери дует, потолки протекают. Председатель колхоза Верещака который год ограничивается обещаниями.

С перекошенным окном,
С дверью перекошенной
Запросил ремонта дом:
«Я стою заброшенный».

Председатель третий год
Обещанья стряпает,
Он в другом конце живет,
И над ним не капает».

На мертвом якоре

Плохо обслуживает колхозников Раевское сельпо Краснодарского края (председатель правления Мургулов). На отдаленные фермы автолавка, например, за год выезжала всего один раз.

Сапоги, кастрюли, ситцы —
Это все в сельпо хранится,
Есть сатина сотни метров,
Но за двадцать километров

Покупатель не идет,
На товар заявки шлет,
Под сукно кладут заявку:
На приколе автолавка.

Цена номера 1 рубль.

Кривиз

29

Рязанов

58

